

От победителя премий «Еврокон»//лучший дебют,
«Бегущая по волнам», «Книга года по версии Фантлаба»

КАРИНА ДЕМИНА

ДРАКОНЫ
КРОВЬ

Идеальное фэнтези

Карина Демина

Драконья кровь

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демина К.

Драконья кровь / К. Демина — «Издательство АСТ»,
2022 — (Идеальное фэнтези)

ISBN 978-5-17-137010-7

Сколько ни отворачивайся от прошлого, так просто оно тебя не отпустит. И Уне предстоит разобраться со многим. Со зловредным мальчишкой-соседом, который вдруг превратился в агента ФБР. С маньяком, что много лет держался подле. С исчезнувшим бывшим, чью голову преподнесли на блюде. Со старым другом, таким нерешительным и тихим, что само по себе подозрительно. А главное, с собой. Кто она? Девчонка-полукровка, которая боится жить? Или та, что способна говорить с драконами?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137010-7

© Демина К., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	53
Глава 9	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Карина Демина Драконья кровь

© К. Демина, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Заведение, в котором нашла приют миссис Эшби, и вправду было достойным. О том говорили и уединенность его, и кованая узорчатая ограда, окруженная другой, живой стеной. Та была аккуратно подстрижена, но кое-где сквозь плотную зелень проглядывали тонкие ниточки вьюнка.

Милдред пришлось остановиться, не доезжая до самого здания.

Здесь не пахло морем. А вот скошенной травой, солнцем и горами – даже очень. За воротами дорога продолжалась, правда, переодевшись из черного асфальта в белесый камень. Она разрезала зеленые лужайки того идеального вида, который, как представлялось Милдред, возможен лишь на картинке. Но нет.

Композиции из елей. И снова живая ограда. Статуи. Фонтан.

И голуби на крохотной площади. Старушка в инвалидном кресле. И рослая женщина за ее спиной. В руках женщины батон, куски которого она отрывает, чтобы передать старушке, а та уже крошит голубям. И те, толстые, неповоротливые, вяло толкаются, спеша урвать кусок получше.

Главный корпус лечебницы вписывался в окружающий благостный пейзаж как нельзя лучше. Колонны и те были к месту, тонкие и белые, будто сахарные.

Аромат цветов. И бронзовые тяжелые цветочницы у входа. Пол узорчатый, выложенный кругами. Печальный мужчина старательно переступает через черные плашки камня. А за ним с некой долей снисходительности наблюдает рослая женщина.

– Добрый день, – сказала Милдред, когда взгляд женщины зацепился за нее. – Я ищу мистера Пимброка. Мы договаривались о встрече.

– Туда, – ей указали на левый коридор. – По зеленой линии.

– По черной нельзя, – добавил мужчина, замирая перед очередной плашкой. – По черной ходить – смерть бередить.

Мистер Пимброк оказался невысоким человеком вида столь обыкновенного, что это казалось почти издевательством. Мягкие черты лица. Вяловатый подбородок с куцей бородкой. Округлые щеки и пухлые губы, которые казались слишком уж яркими, будто накрашенными.

– Мне звонили. – К появлению Милдред он отнесся безо всякого восторга. – Меня предупредили о визите. Не скажу, что рад.

– Не скажу, что я рада.

Он поморщился. Он не любил красивых женщин, скорее всего потому, что они не обращали на него внимания ни раньше, ни сейчас. И даже успех его – а глава подобного рода клиники априори успешен – не способен был изменить сего печального факта.

– Но мне звонили. Мистер Эшби. Он ясно выразился... стало быть, вы хотите побеседовать с Лукрецией?

– Если можно.

– Я бы не рекомендовал.

Он обзавелся изумрудными запонками и привычкой ходить слегка вразвалку. Он позаботился о том, чтобы движения его обрели должную неторопливость. Он собрал неплохую коллекцию часов и булавок для галстука. И даже порой проводил время у любовницы, соответствующей статусу, но не вызывавшей в душе ничего, кроме раздражения.

– Что с ней?

– То же, что и со всеми... разум человеческий сложен. И непостижим. И порой в сложности своей он дает сбой, который невозможно исправить.

Он любил свою жену, столь же невзрачную и так и не научившуюся распоряжаться при-
слугой. Но все одно милую. А вот красивых женщин опасался.

– И все-таки.

– Вряд ли вы поймете...

– Я постараюсь.

– У нее шизофрения. – Мистер Пимброк удостоил Милдред снисходительным взглядом.

– Я знаю. А если подробнее? Когда она к вам попала? В каком состоянии? Как проходило
лечение? Какие методы вы использовали? Был ли результат?

Каждый новый вопрос заставлял мистера Пимброка морщиться все сильнее и сильнее,
пока он наконец не поднялся довольно-таки резко. Затем сцепил руки за спиной и сказал:

– Это врачебная тайна.

– У меня ордер имеется. – Милдред взяла его на всякий случай, искренне надеясь, что
звонка Эшби будет достаточно. Но вот пригодился. – Поэтому, будьте столь любезны, распо-
рядитесь сделать копию истории болезни...

– Двадцать лет... чуть больше. – Мистер Пимброк вернулся в свое кресло, объемное
и массивное, оно должно было бы придавать солидности его фигуре, но вместо этого лишь
подчеркивало неказистый вид хозяина. – Около двадцати двух или двадцати трех? Не скажу
точно. Я тогда лишь появился здесь. Да, по протекции хорошего знакомого. И да, сперва всего
лишь врачом. Позже... сложилось. И да, во многом стараниями мистера Эшби. Он совладелец
клиники.

– Даже так?

А вот этого Милдред не знала. Интересный факт. Полезный ли? Она потом решит. И,
слегка подавшись вперед, она сказала:

– Я ни в чем вас не обвиняю. Более того, я представляю, насколько нелегко вам прихо-
дится. Это непростое место. И больные тоже... специфические, не говоря уже о родственниках.

Сочувствие должно быть искренним. Странно, но люди, даже напрочь лишённые эмпа-
тического дара, остро чувствуют фальшь.

– Вы в сложном положении. И многие хотели бы занять ваше место...

– Было бы что занимать. – Он вяло махнул рукой. – Но вы правы, да... простите, к визи-
там представителей власти многие испытывают некоторое... как бы это выразиться...

– Предубеждение?

– Вроде того... Но да, я прекрасно помню, как она появилась. Молодая красивая жен-
щина, которая была совершенно безумна. Скажу так, у нас, что бы ни говорили, не прячут
нормальных людей. Кто-то проходит реабилитацию. Кто-то приезжает отдохнуть. Кто-то ищет
способ исправить то, что полагает недостатком. Есть пациенты, страдающие приступами гнева.
Они искренне раскаиваются после и хотели бы измениться... есть и те, кто меняется, да. Есть
подростки... современный мир сложен, и это не может не сказаться на детях, да... Много,
конечно, если не большинство, наших пациентов поступают сюда не по собственной воле. Но
редко кого привозят в смиренной рубашке.

– Как миссис Эшби?

Он вновь выполз из кресла и подошел к шкафу. Дверцы из красного дерева выглядели в
достаточной мере прочными, а замки надежными, чтобы справиться с попыткой взлома, если
найдется кто-то, желающий их взломать.

– Как миссис Эшби.

Ключи доктор носил на поясе. Перебрав связку, он достал один.

– Она рычала. Давилась своей слюной. Пыталась укунить сестер милосердия. Признаться,
если бы не статус мистера Эшби, я бы не рискнул связываться с подобной пациенткой. Более
того, несмотря на все его уверения, я приказал ее изолировать. Бешенство в наши дни встре-
чается не так уж и редко.

– Бешенство?

– Не стоит так удивляться. По статистике, в прошлом году по штату зафиксировано тридцать пять случаев. Это среди людей.

Удивительно. И вправду удивительно.

В руках мистера Пимброка появилась пухлая папка.

– Вам сделают копию, хотя, видит Бог, не знаю, чего вы хотите от несчастной... последние двадцать лет она провела в этих стенах.

Поверхность папки была мягкой, шелковистой на ощупь.

– Я сама не знаю. – Милдред провела ладонью, наслаждаясь этим прикосновением. – Просто... предчувствие. У вас бывали предчувствия?

– Да. Я... не суверен, поэтому предпочитаю думать, что предчувствие – это итог работы подсознания, которое анализирует факты, отвергнутые сознанием. Если рассматривать разум как нечто большее, чем наша способность к запоминанию, изучению, анализу и прочим явным, скажем так, функциям, то подсознание в нашей жизни играет важную роль.

Спорить Милдред не собиралась.

Она открыла папку. И коснулась снимка, с которого на Милдред смотрела женщина неясных лет, но определенно безумная. У нормальных женщин не бывает настолько дикого взгляда.

– Наши симпатии и антипатии, которым порой невозможно найти объяснение, есть лишь результат работы нашего подсознания и своего рода предупреждение. Жаль, что многие не готовы прислушаться. Да, я испугался ее. Для врача моего уровня это непростительно.

Растрепанные светлые волосы. Лицо с искаженными чертами. Будто женщина скалится. И желает укусить. Милдред даже палец убрала с фото.

– Но я не только врач, я еще и человек. А мое подсознание кричало, что она опасна. Но отказать мистеру Эшби? Можно было бы попроситься не только с местом, но и с карьерой. И разум взял верх. Признаюсь, теперь я рад, да... Несколько дней она провела, привязанная к кровати. И с кляпом во рту. Не потому, что я садист, отнюдь. Мне невыносимо, когда приходится применять подобные меры... я был рядом с ней, разговаривал. Наблюдал. Я поил ее. И ставил капельницы, чтобы как-то поддержать жизнь в ее теле. Я помогал ее мыть. Смазывал воспаленные места... их было много. Полагаю, что мистер Эшби сам пробовал справиться с болезнью. Как и многие до него, он просто недооценил серьезность ситуации и сделал только хуже. Обратись он раньше, и нам бы удалось скорректировать состояние Лукреции. Есть ведь лекарства. Очень хорошие лекарства.

Скупые строки: возраст, вес, девичья фамилия.

Три беременности? Но ребенок один... Так, выкидыш на позднем сроке. И младенец, который умер сразу после родов. Могло ли это повредить хрупкую душу? Но ведь она все равно рискнула и родила Ника. Имя его здесь же. И дата рождения.

– Люди закрывают глаза, говоря себе, что маленькие странности есть у каждого, не замечая, как маленькие странности растут, превращаясь в большие, а эти большие становятся полноценным сумасшествием. С ним же справиться способен не всякий. – Вздох.

И очередная страница. Краткий анамнез. Анализы... странные анализы.

– Что у нее с кровью?

– Вы про повышенный уровень лейкоцитов? Полагаю, тому виной воспаление. Говорю, ее кожа была в ужасном состоянии. Да... а гемоглобин низкий, поскольку, как выяснилось, в последние месяцы миссис Эшби питалась крайне скудно. Мы долго приводили ее в порядок.

Страница. Список лекарств. В принципе довольно стандартный, разве что сочетание успокоительного и снотворного кажется странным.

– Понимаю. – Ему не нужно больше задавать вопросов. Мистер Пимброк готов отвечать и так.

– Но обычные дозы на нее не действовали. Мы перепробовали многое. Она получала двойную дозу карпанола, однако безрезультатно, а вот сочетание с глацифармом оказывало успокаивающее воздействие. Лукреция не засыпала, но хотя бы переставала кидаться на людей. И вредить себе.

Не засыпала?

Да половины дозы хватит, чтобы успокоить здорового мужчину вроде Луки... Который делал вид, что все как обычно и ничего-то не случилось.

Не случалось.

На другую ночь Милдред сама пришла к нему. И он впустил ее. А потом так же молча выпустил, признавая за ней право уходить на рассвете. И за это ему захотелось отвесить пощечину, потому что никто из мужчин Милдред не готов был просто взять и отпустить ее.

Наверное, поэтому она вернулась снова.

А потом испугалась, что привяжется, и ушла. Лука собирался поехать с ней. Милдред не просила, но знала – собирался, только в последний момент ему позвонили: все ли в порядке?

– Сперва она почти все время находилась под действием этих лекарств. Не разговаривала сама. Не пила. Не ела. Но и не возражала, когда ее кормили и поили. Была вялой, апатичной. Но стоило чуть снизить дозу, и просыпался зверь... очень хитрый зверь.

Первый случай, судя по записям, произошел спустя полгода после того, как миссис Эшби оказалась в стенах сего заведения.

Краткие сухие записи: нападение, нанесение телесных повреждений средней тяжести.

– Она сперва бросалась сразу, стремилась вцепиться в горло или в лицо. И к этому привыкли. Научились предугадывать, но не учли, что шизофрения – болезнь крайне неровная. Мне показалось, что ей становится лучше. Во всяком случае, поведение выровнялось. Исчезли всплески агрессии. И миссис Эшби заговорила. Она просила прощения за то, как вела себя. Правда, тут же утверждала, что не помнит подробностей, что в голове туман. И что ей тяжело. Иногда спрашивала о сыне. Это был прогресс, и немалый. И когда она попросила уменьшить дозу, я пошел навстречу. Мне и самому проще работать с человеком, чей разум не затуманен.

– Вы менталист?

– Эмпат, как и вы. Но более опытный. – Его улыбка была чистой, что весеннее небо. И немного лукавой. – Но, признаться, не ожидал и не сразу понял. Здесь я не закрываюсь. Привык. Да и легче уловить неладное. А с миссис Эшби неладного я не ощущал. Напротив, она была полна раскаяния. И очень грустила. По дому, по сыну.

– А по мужу?

– Нет. О нем она старалась не говорить. Впрочем, я, как уже упоминал, пошел ей навстречу. И дозу снизили. Первые несколько недель мы были осторожны. Мы наблюдали за ее поведением. Я лично проверял ее настроение каждый день, и не по разу. Я боялся пропустить вспышку гнева.

– Но пропустили?

Ту медсестру звали Эбони. И выписка из личного дела имелась. Вес. И рост немалый. И судя по тому, что Милдред видела, здесь работали весьма крупные женщины.

– Это не было гневом. Это было частью плана. Совершенно безумного, но в то же время довольно логичного. Шизофреники в принципе способны мыслить логично. Они удивительно последовательны в своем безумии, оттого часто это безумие и остается незамеченным. Миссис Эшби начали выпускать на прогулку. Она сумела подружиться с Эбони. Та работала уже десять лет. Очень опытная сестра... была.

– Она...

– Нет, что вы. Уволилась. Мистер Эшби выплатил ей такую компенсацию, что у Эбони просто отпала необходимость работать дальше.

– И что произошло?

– Во время прогулки миссис Эшби ударила Эбони камнем. Подобрала у клумбы. Обмотала в тряпку. Понятия не имею, где она ее нашла. Сперва она оглушила Эбони, а когда та упала, начала наносить удар за ударом по лицу. Мистеру Эшби пришлось оплачивать его восстановление. И поверьте, он нанял лучших целителей.

Еще бы. Вряд ли мистера Эшби порадовал бы скандал. Безумная жена, изуродовавшая медсестру, и сын, который тоже потенциально может оказаться безумцем.

В городе бы их не поняли.

– Она раздела Эбони. Она надеялась столкнуть тело в воду и спрятаться. У нас большая территория. И признаю, что при определенной толике везения прятаться она могла бы долго. Затем, по ее замыслу, когда тело отыскивали бы, все бы решили, что миссис Эшби мертва.

– Погодите, они же не похожи.

– Да. Для вас. Для меня. Для всех прочих. Но по разумению миссис Эшби, ей было достаточно поменяться одеждой, чтобы стать Эбони. И обратите внимание. Она не собиралась притворяться Эбони. Она хотела ею стать.

Интересное уточнение. И пожалуй, важное.

– Она не учла, что я все равно оставил наблюдение. Да и маячки на территории сработали. У нас самая совершенная система контроля. Во многом стараниями мистера Эшби.

– И как он отреагировал?

– Был расстроен. Но я опасался, что он станет обвинять меня. Все-таки это был мой недосмотр. Но нет, он быстро договорился о курсе лечения для Эбони. Предложил ей компенсацию... в четверть миллиона.

Сколько? Да, пожалуй, четверть миллиона – веская причина молчать.

А медикаменты сменили.

Тазепам? Он только лет пять как получил лицензию.

– Да, мы проводим испытания... иногда... с разрешения опекунов, естественно. А тазепам показывал отличные результаты.

Что ж, мистер Пимброк хотя бы не лукавит.

Испытания и вправду проводятся. И далеко не всегда те, на ком они проводятся, знают правду.

– Лукреция очень разозлилась, когда побег не удался. И заговорила. То есть мы и до этого беседовали, но на нейтральные темы. А тут она заговорила о том, что действительно важно. Для нее. И так я узнал, что миссис Эшби ненавидит своего сына.

Глава 2

Она изменилась. Похудела. И поблекла.

Узкое личико. И глаза, в которых пряталось безумие. Инвалидное кресло, на подлокотниках которого лежат полупрозрачные ладони. Пальцы мелко подрагивают, и смотреть на это неприятно. Но обманываться не стоит, силы в этих руках немало.

Следующую медсестру, приставленную к ней, миссис Эшби задушила.

И да, мистер Эшби выплатил семье полмиллиона. А еще столько же ушло, чтобы замять дело. Нет, расследование проводилось, и выяснилось, что покойная сама нарушала внутренние правила. Именно она научила миссис Эшби плести кашпо.

И приносила пряжу. И толстую бечевку, потому что из пряжи без крючка кашпо получались некрасивыми. Она поверила истории о жестоком муже, который запер вовсе не безумную, но надоевшую жену в сумасшедшем доме. За что и поплатилась. Однажды во время прогулки к тому самому искусственному пруду, который едва не стал последним приютом для Эбони, плетеная петля захлестнула шею уже немолодой, но все еще слишком доверчивой мисс Пулман.

– Вы ведь знаете, что это он виноват? – любезно осведомилась миссис Эшби. – Он меня заставил отнять жизнь этой несчастной... она была хорошим человеком. И я уверена, что душа ее попадет к Богу.

Сиделка, стоявшая за инвалидным креслом, была широкоплеча и мускулиста. И форменное платье бледно-розового, какого-то на редкость тусклого цвета не скрывало квадратных очертаний ее фигуры.

– Наедине мы вас не оставим, – сказал мистер Пимброк, хмурясь. – Вы ведь понимаете...

Миссис Эшби еще трижды нападала на сопровождающих, всякий раз умудряясь ранить. А мистер Эшби извинялся и доставал чековую книжку. Любил ли он жену, сказать сложно. Но обходилась она ему недешево.

– Добрый день, – сказала Милдред, пытаясь зацепить эмоции женщины, которая смотрела на нее светлым и чистым взглядом истинного безумца. Впрочем, один взмах ресниц, и в светлых глазах ее появилась печаль.

– Добрый. – Голос тихий, нежный. И трясущаяся рука касается губ. – Вы кто?

Удивление. И легчайшая настороженность. Впрочем, насквозь фальшивая. Она – оболочка, под которой прячется что-то иного толка, мутное, тревожное.

– Меня зовут Милдред. И я хотела бы поговорить с вами.

– О чем?

– О вашем сыне.

Она и вправду научилась справляться с яростью. Вспышка была короткой и на лице Лукреции не отразилась. Напротив, губы ее растянулись в улыбке.

– Вы наконец-то поняли, да?

– Что?

– Кто истинно ненормальный... Не надо, Томми, она пришла ко мне. Пришла, чтобы выслушать мою историю. Всерьез. Без того, чтобы сказать, вот сидит ненормальная, словам которой нельзя верить.

Речь миссис Эшби была спокойна.

– Не обращайтесь на него внимания. Он привык, что его окружают безумцы.

– А вы не безумны?

– Все мы в какой-то мере безумны, – довольно уклончиво ответила миссис Эшби. – Камилла, девочка моя, ты будешь слушать? Конечно, будешь. Камилла здесь не так давно, всего пятый год. Еще не успела очерстветь душой.

– Но она знает, на что вы способны, – с неудовольствием заметил мистер Пимброк.

– Ах, никто из нас до конца не знает, на что способен... И да, я знаю, о чем вы... те женщины собирались меня убить.

– Зачем?

– Им приказали. Я не держу на них зла. Но мне пришлось защищаться. Это ведь нормально, защищать себя, правда? Вот я и пыталась. Как умела.

Последняя сестра милосердия вынуждена была восстанавливать лицо после того, как почтенная миссис Эшби вцепилась в щеку и не разжимала зубы, пока не выдрала кусок плоти.

– Кто осудит человека, спасающего свою жизнь? – Она прижала хрупкие полупрозрачные руки к груди. И нервно дернулась, будто левую половину ее тела свело судорогой.

А платье на ней было без пуговиц.

– Расскажите мне все, – попросила Милдред. – И может, я смогу вам помочь?

– Мне уже не поможешь. Но тем девочкам, которые умирают, вполне можно... вы знаете, он казался мне чудесным человеком.

– Кто?

– Станислав. Конечно, имя странноватое, есть в нем что-то такое, плебейское до крайности. Чуждое, я бы сказала. Как можно назвать ребенка Станиславом? Или Николасом? Я хотела дочь, но родился мальчик, и его назвали Николасом. Ужасно!

– Сочувствую.

– Не сочувствуешь. Не считай меня дурой. – Эта вспышка заставила миссис Эшби встать, и молчаливая Камилла возложила руку на худенькое плечо безумицы. – Я прекрасно вижу, что ты мне не веришь... никто никогда не верил. Господи, да я сама до последнего не верила. Скажи, вы всех нашли? Знаешь, Драконий берег – это одно огромное древнее кладбище, где люди смешались с драконами.

Бред, но...

Место не просто закрыто от мира, оно изолировано. Тогда о каких девушках идет речь? Или... место местом, а люди людьми, даже столь молчаливые с виду. Могли ли сюда проникнуть сплетни внешнего мира?

Вполне.

– Мне было двадцать пять, когда мы познакомились. Не самый приятный возраст для женщины. Да и в положении я находилась непросто. Моя семья была не из простых. Вы что-то слышали о Локвудах?

– К сожалению...

– Слишком молоды и ограничены. Бывает. Отцы города, первые из первых... К несчастью, мой дед был неосторожен в тратах, а отец сделал несколько крайне неудачных вложений, что поставило нас на грань краха. И в одночасье из завидной невесты я превратилась в отверженную. Мне пришлось искать работу. И работать, – это миссис Эшби произнесла с немалым отвращением. – Кто бы знал... конечно, я могла бы найти и покровителя, предложения поступали. Но боже, это было еще более унижительно, чем работать.

Мистер Пимброк отошел к клумбе, на которой яркими оранжевыми шарами поднимались бархатцы.

– Мой жених разорвал помолвку. И его поняли... это ничтожество... я же осознала, что одиночество – вот мой удел.

А она любит игру. И быть в центре внимания. И ожила – на бледных щеках появился румянец, глаза заблестели.

– Я не могла выйти за того, кто ниже меня по статусу, а для равных я перестала существовать. И тут появился Станислав.

Вздых. И ладони, прижатые к щекам.

– Я слышала про Эшби, старый достойный род. Моя матушка как-то сумела связаться с ним. И предложила меня. В жены, естественно. Станислав откликнулся. Он показался мне милым. Я ему тоже понравилась, поэтому Станислав и предложил сделку.

– Значит, о любви речи не шло?

– Помилуйте, какая любовь? Люди нашего положения стоят выше этого. Вам, конечно, не понять, но что есть любовь, если разобраться? Это эмоциональная привязанность к человеку, который зачастую того не стоит. Нет, люди, действительно серьезные, никогда не станут полагаться на эмоции.

А вот губы поджаты. И уголок рта подрагивает. И не только он, левая нога тоже дергается, мелко и часто, а миссис Эшби этого будто и не замечает.

– К слову, спросите моего сына о том, что случилось с первым из Эшби. Весьма, я вам скажу, показательная история. О любви, да... мы изначально договорились, что обойдемся без чувств.

Но кто-то нарушил договоренность.

Миссис Эшби оперлась на подлокотник кресла и поднялась. Оперлась на дрожащую ногу. Поморщилась.

– Не желаете ли прогуляться? – спросила она весьма светским тоном. И от медсестры отмахнулась: – Бросьте, Камилла. Кому я способна причинить вред?

Лукавый вопрос. И взгляд из-под ресниц тоже лукавый.

– Она пришла, чтобы узнать правду. Хоть кто-то, хоть когда-то... подайте руку.

Милдред подала.

Лука бы вот не стал. Он осторожен, порой совершенно излишне. И чутьем обладает звериным. Он бы в жизни не поверил в безобидность этой хрупкой леди.

И Милдред не поверила.

Пальцы миссис Эшби впились в руку, будто желая проткнуть ее насквозь.

– Ах, простите, я совсем здесь ослабела... чем они меня травят? Ума не приложу. На меня сейчас мало что способно подействовать. Результат, так сказать, экспериментов, которые ставил супруг.

Она ступала медленно, пытаясь притвориться слабой.

– Я прошла медицинское обследование. Станислав потребовал. И да, это было несколько неприятно, но я прекрасно осознавала, что мужчине его положения нужны наследники. И он не скрывал, что именно наследники – истинная причина его женитьбы.

Газон мягко пружинил под ногами. От миссис Эшби исходил тонкий аромат духов. Смутно знакомый, но... тетины? Нет, она не снизошла бы до «Последней страсти», которые тетушка обожала, но, кажется, лишь потому, что эти духи когда-то подарил ей муж.

– Обряд был скромным. Кольцо я ожидала получше, но на свадьбу супруг преподнес мне три миллиона долларов на именном счету. Это было... очаровательно. По условиям договора, еще столько же я бы получила, родив наследника. А с ними и право вернуться в Нью-Йорк. Или переехать туда, куда мне захочется. Мне полагалось бы неплохое содержание. Взамен я бы представляла интересы семьи там, где Эшби не мог постоянно присутствовать. В то время его стремление вернуться на Драконий берег казалось мне таким капризом.

За Милдред беззвучно следовала Камилла с инвалидным креслом, а уже за ней и добрый доктор, который был напряжен и явно ожидал подвоха.

– Захолустье это не произвело впечатления. Нет, вернее будет сказать, произвело. Самое унылое. Этаким пыльный городишко, где каждый встречный мнит себя приятелем. Они совершенно бесцеремонны, невоспитанны, наглы и понятия не имеют о чувстве такта и личном пространстве.

Это было сказано со вполне искренним возмущением.

– Я искренне не понимала, почему Станислав позволяет это панибратство? Потом, правда, осознала, что эти люди – единственные, до кого он способен дотянуться, запертый в клетке своих земель. И посочувствовала даже. До первой беременности. У меня долго не получалось зачать, хотя Станислав исправно навещал мою спальню.

Странная жизнь. Милдред так бы не смогла. А как смогла бы? Мужчины в ее жизни не задерживались. И если в первый раз ее душили обида и горечь непонимания, чем она заслужила их уход, то потом Милдред пришла к мысли, что так даже проще.

Отношения требовали слишком многого. А у нее имелась и работа.

Лука вот ничего не требовал. Сволочь.

– Три года я сидела там безвылазно. Первое время вовсе не покидала поместье, благо Станислав был совсем не против того, чтобы я занялась его благоустройством. Это был совершенно ужасный мрачный сырой дом, где просто-таки невозможно было находиться.

Она подошла к самой воде.

Искусственный пруд имел форму правильного овала. С одной стороны вдоль берега выстроились одинаковые белые лавочки. С другой его окаймляли кудрявые ивы, правда, по осеннему времени утратившие часть листвы. И желтый цвет в их гривах казался сединой.

– Через год я умоляла его отпустить меня. Обещала вернуться, но Станислав был неумолим. Нет, я могла бы уйти, но тогда пришлось бы расторгнуть брак. И деньги вернуть. Он бы оставил что-то на жизнь, но я привыкла к определенному уровню.

А еще сама мысль о необходимости работы внушала ей отвращение. Как и подозревала Милдред, мысль о разводе. Бывшая супруга того самого Эшби... в свете, кажется, разводы не приняты.

– И да, – миссис Эшби склонила голову, – развод уничтожил бы мою репутацию. Что мне оставалось делать? Заняться этим убогим городком. Я основала школу. Нашла учительницу. Знаю, мой супруг был бы рад ее трахнуть, но боялся. Он оказался суеверным засранцем. Чертовым засранцем, который жил в той истории, что не одну сотню лет разменяла. А заключая договор, он и словом не обмолвился о проклятии.

Она закусила губу и запрокинула голову. По телу ее пошла судорога, но стоило Камилле шевельнуться, как миссис Эшби вскинула руку:

– Я в порядке. Настолько, настолько вообще может быть в порядке человек, которого травил сперва драконьей кровью, а потом этой вашей... и да, иногда я понимаю, что сошла с ума, а иногда мне кажется, что это все остальные сделали меня безумной. Сложно найти грань... Второй год заставил меня нервничать. Третий... я хотела обратиться к врачам, но Станислав сказал, что они не помогут, но есть родовой рецепт. Травы... у многих Эшби были проблемы с рождением детей. И мне начали подавать утренний чай. Горький такой. Гадостный, я бы сказала. Но я пила. Я так отчаянно хотела вырваться из этого захолустья...

Судорожный всхлип потревожил стрекозу, что застыла над водной гладью.

– Я готова была на многое, если не на все... я... я забеременела почти сразу. И разозлилась на Станислава, который знал про эти чудесные травы, но молчал.

– А он?

– Обрадовался, естественно. И перевел на мой счет полмиллиона... подарил ожерелье. Чудесное ожерелье из огненных опалов. Тринадцать камней – от огромного, величиной с перепелиное яйцо, до небольших, но поразительно чистых.

Она прикрыла глаза и улыбнулась, вспоминая свое ожерелье.

– Платина... опалы не любят золото, только платину. И мелкие бриллианты... более тысячи.

Миссис Эшби вздохнула.

– Станислав сам вел эту беременность, и я не возражала. Конечно, было в этом что-то на редкость противоестественное, но меж тем я понимала, что не найду врача столь же вни-

мательного и бережного ко мне. И да, первые несколько месяцев все было нормально. Ни дурноты, ни головокружений, ничего из тех мелких неприятностей, способных отравить жизнь беременной женщины. Разве что травы горчили чуть больше обычного. Да и уставать я стала. Помню, порой могла проспать весь день. И мне бы насторожиться, но я верила мужу. А он говорил, что так и надо. Однажды я проснулась от резкой боли в животе. Ощущение было такое, будто из меня пытается выбраться нечто... я чувствовала, как то, что я считала ребенком, ворочается, раздирая мой живот. И кричала. Прибежал Станислав.

В воде отражалась миссис Эшби, бесцветная, словно сошедшая со старого полустертого фото.

– Он сразу понял, что произошло. Я вот не знаю до сих пор, а он сразу понял. Я помню, как изменилось его лицо. Побледнело. Вытянулось. И потом... туман. А когда туман развеялся, оказалось, что я в больнице. В Тампеске. Мне сказали, что случился выкидыш, выражали сочувствие, уверяли, что я здорова и будут другие дети. Но уже тогда я понимала, что не хочу никаких детей. Я была напугана. Я понимала, что то, что было во мне, не являлось человеком.

Теперь миссис Эшби дышала часто и быстро. И ладони прижала к щекам.

– А Станислав... он начал говорить, что это просто блажь. Гормоны. И мой страх родов. Что подобное случается со всеми. Что даже при самом спокойном течении беременности выкидыши порой неизбежны. И дело не во мне. Дело в ребенке, который оказался болен. Мне даже показали его, крохотное нечто, которому дали имя... Эдвард. Неплохое имя. Во всяком случае, куда лучше, нежели Станислав. Или Николас. Но я-то знала, что мне показывают не моего ребенка. То чудовище, которое жило во мне, было на самом деле драконом.

Она произнесла это с немалой убежденностью, а когда Милдред оглянулась на мистера Пимброка, тот кивнул.

– Станислав похоронил ублюдка на семейном кладбище. Я тоже ходила. Как-то... вы спускались в их склеп? Знаете, там очень много крохотных урн, таких, детских. У Эшби и вправду проблемы с детьми. Это их ведьма прокляла. Она сильно пострадала в той истории с ненужной любовью. От любви всегда одни страдания.

– Что было дальше?

– Дальше? А что было? Ничего... мы вернулись, как я уже сказала. Я хотела бросить все. Уехать. В конце концов, жизнь дороже, а я почти не сомневалась, что вторая беременность меня убьет. Но Станислав сумел успокоить. Вы знаете, что он был менталистом? Весьма слабым, но умелым. Они немало сил тратят, развивая дар... и Николас тоже. При желании он способен убедить кого угодно и в чем угодно. Не верьте ему.

– Мы не верим.

– И хорошо... а я вот поверила. Станиславу. Он приносил мне укрепляющие отвары. Был ласков. Даже нежен. Перестал ездить к шлюхам. Что смотрите? Вас удивляет? Эшби никогда не ограничивали себя одной женщиной. Станислав как-то обмолвился, что времена слишком уж изменились и теперь ему приходится платить за то, что его предки брали по праву хозяина земель, – она фыркнула. – Впрочем, следует признать, что Станислав умел быть щедрым. К моему ожерелью добавился опаловый браслет. И я сама не заметила, как согласилась попробовать снова. Правда, пришлось отложить на год. И это был весьма неплохой год. Я занималась городом, где меня стали считать своей... Идиоты. Как вообще такое могло прийти в их головы? Будто я им ровня... Станислав меня не беспокоил. В том самом смысле не беспокоил. В других... мы обсуждали дела его семьи. Вложения. Активы. Стратегию развития. Книги. Оперу... порой мы выбирались в Тампеску. Когда год прошел, мне вновь стали подавать травы. Но вкус слегка изменился. Я спросила, а он ответил, что мне кажется. Зря. Я не люблю, когда мне врут. Да и памятью я обладаю отменной. И вкусом. Я всегда могла отличить оленину от лосятины, а ту от мяса косули. Не говоря уже о приправах. Вы знаете, что розовый перец из Нижнего Йена отличается более резким ароматом и не годится для десертов?

Милдред пожала плечами. Она в принципе слабо представляла себе десерт с перцем. Даже с розовым.

– Впрочем, это стало неважно, когда я вновь забеременела. И случилось это, к моей радости, довольно быстро. Станислав не был некрасив или эгоистичен. Но... меня утомляла эта часть супружеской жизни.

Миссис Эшби провела пальцами по щеке.

– И вновь все было хорошо... просто отлично... так, легкое головокружение или та же сонливость. Но это случается. Ко всему, скажем честно, я была не так и юна... – Вздох.

И длинные ивовые листья сминают воду, по которой разлетаются полчища водомерок. Еще немного, и пруд прихватит ледком. Водомерки исчезнут, ивы стряхнут поредевшую листву. А дом останется. Он виден – светлая громадина с узорчатыми решетками на окнах.

– Но чем дальше, тем тяжелее становилось. Даже просыпаясь, я будто продолжала пребывать во сне. Я перестала отличать его от яви. Я... проваливалась в какую-то муть, где что-то происходило и я в этом участвовала, но я не помню, что я делала. И не уверена, было ли это наяву? Время от времени сны расступались – и появлялся Станислав. Он уговаривал меня потерпеть. Поил травами и кормил мясом. Сырым. Он потом заявил, что мне показалось, но я абсолютно уверена, это была человечина.

Миссис Эшби резко развернулась и уставилась на Милдред немигающим взглядом.

– Вы уверены?

– Я же ненормальная. В чем я могу быть уверена? Хотя... пожалуй, да. Знаете, такой интересный сладковатый привкус. Необычайная мягкость. И главное, никаких приправ не надо.

Она медленно провела языком по верхней губе.

– Но этого оказалось мало. Урод родился мертвым.

– Ваш ребенок...

– Не мой. Урод, который прижился в моем теле. Я помню, что роды начались с той раздирающей боли. Я закричала. Явился Станислав. Кажется, в последние месяцы он ночевал в моих покоях. Не уверена. Помню, он положил ладонь на мой лоб. И я отключилась. А очнулась снова в больнице. В Тампеске... я ему была еще нужна, да...

– Ваш ребенок...

– Мне сказали, что он умер сразу после рождения. Выразили сочувствие. Никто так и не понял, что он снова их обманул. Не знаю, где он нашел мертвого ублюдка, но это точно был не мой ребенок. Это просто не мог быть мой ребенок, потому что я должна была родить чудовище. Это было произнесено с абсолютной убежденностью.

– Но и для него нашлось местечко в родовом склепе. Меня же... отпустили. Посоветовали хорошо отдохнуть и не отчаиваться. Идиоты.

Тогда ли она заболела?

Шизофрения тем и опасна, что годами может протекать почти бессимптомно. И две неудачные беременности, две потери, от которых проще отрешиться, сказав себе, что не имеешь отношения к этому, нежели принять их и сопутствующее горе, дали толчок болезни.

– Станислав вновь был ласков... подарил тиару. Из опалов. Она была красивой, да... она хранится в банке, как и другие мои драгоценности, – миссис Эшби замерла, глядя в воду. Видела ли она себя нынешнюю? В этом несколько нелепом, пусть и сшитом явно на заказ платье? Оно давно вышло из моды и потому кажется смешным. – Я хотела уехать. Мне надоело и городишко этот, и все остальное. Станислав не уговаривал остаться. Я просто вдруг оказалась заперта в доме. Представляете? Он взял и... Выпускать меня стали лишь в его сопровождении. И все... все эти люди, которые служили, они подчинялись ему!

От избытка эмоций она топнула ногой, и это движение отразилось на воде рябью, будто и вправду гнев миссис Эшби был настолько силен. А ее тело вдруг изогнулось, чтобы тотчас распрямиться, избавляясь от внезапной судороги.

– Впрочем, тех, кого наняла я, он рассчитал. Оказалось, что в доме не нужно столько горничных. Приезжая сиделка? Мне необходим уход. А эта толстая старая негритянка... она что-то подсыпала в еду. Наверное, те же травы. Или другие? Я как-то выбралась в окно, но заблудилась. И вышла на берег. А там... там дракон. Вы видели драконов?

– Только издали.

– Твари, – с убеждением произнесла миссис Эшби. – На редкость уродливые твари, чье существование противно природе. Он лежал на берегу и смотрел на меня. А мой муж стоял рядом. И у него были драконьи глаза. В тот момент я поняла, что было не так с моими детьми. Я ведь человек. А разве человек способен выносить дракона?

Заперли ли ее на самом деле?

Или она сама создала вокруг себя воображаемую тюрьму, как та девчушка из Коннектикута, которая так и не поверила, что ее мучитель казнен. Она, проведенная в плену несколько лет, продолжила жить той, однажды навязанной ей жизнью, обустроив свою комнату точь-в-точь...

Родные надеялись, что Милдред поможет. Но как помочь тому, кто не желает помощи?

Или это опять же были первые звоночки приближающегося безумия? И Эшби запер жену, не желая, чтобы кому-то стала известна ее маленькая тайна.

Нет. Не похоже. Он бы не решился завести наследника от сумасшедшей.

– Он велел мне подойти. И я не осмелилась послушаться. В его руках была чаша. И он на моих глазах наполнил ее драконьей кровью. Добавил своей. Он сказал, что я должна ее выпить. И я... я выпила эту треклятую кровь до последней капли. И меня не вывернуло.

Она демонстративно провела рукой по губам. Сплюнула. И сунула ладонь под нос Милдред:

– Смотри. Видишь?

– Нет.

– И я не вижу. А иногда она появляется. Кровь. Чем питаются драконы? Мясом. Свежим мясом. Лучше человеческим. Раньше им приносили жертвы. Прекрасных девственниц. На самом деле все проще. Девственность не так и необходима. Просто молоденькие девушки. У мужчин мясо жестче и пахнет неприятно. А женское, оно сладкое.

Миссис Эшби пристально всматривалась в лицо Милдред, надеясь увидеть отвращение. Или ужас?

– Он снова кормил вас человечинной?

Не стоит возражать человеку, уверенному, что так оно и было, что иначе и невозможно, все одно не услышит аргументов.

– Конечно! Как же еще? Его ребенок должен был появиться на свет. Любой ценой. А я... я слишком поздно поняла, что мне никогда не дадут свободы. Он приносил мне травы, смешивал их с драконьей кровью. Вы знаете, что Эшби способны разговаривать с драконами? Дар предков. Проклятое наследие. А еще он знает, как рождаются огненные опалы.

Теперь миссис Эшби походила на классическую сумасшедшую с горящими глазами, с лицом, на котором судорога меняла одну маску за другой, и готовую впиться в глотку любому, кто посмеет оспорить ее право на это вот безумие.

– Я чувствовала, как это растет во мне. День за днем... час за часом... я не имела сил сопротивляться. А Станислав говорил, что я придумываю. И что драконью кровь давно используют целители. Но я знаю правду! Я нашла дневник.

– Вашего мужа?

– Несчастной Патриции, которая вышла замуж за Гордона Эшби. Мой муж прятал его ото всех. Конечно, там ведь правда! А правда в том, что Эшби убивают! Всегда убивают! Просто раньше они покупали рабов. Много-много рабов, которые построили чудесный дом и все, что находится под домом, чтобы навсегда остаться в подземельях, – миссис Эшби вдруг успокоилась и сделала это столь же быстро, как до того впала в ярость.

Она сцепила руки. Коснулась ими лба, наклонилась, будто собираясь преклонить колени в молитве.

– Полагаю, это было естественно... он платил их жизнями за другие. За свою. За землю... раньше там ничего не росло. Пустыня подбиралась к самому морю, а над ней возвышались горы. И в горах обитали твари, способные своим дыханием обратить в пепел любой дом. От драконьего пламени нет защиты, – голос ее стал ниже, и говорила миссис Эшби напевно, притом раскачиваясь из стороны в сторону. – Айоха сумели с ними поладить... айоха отправляли к ним своих дочерей. Дочерей у них всегда хватало. И драконы кого-то ели, а кого-то слушали... но той девочке не хотелось быть съеденной, когда она перестанет приносить пользу. Она нашла белого человека и открыла ему правду. А он влюбился. Идиот! Как можно поменять все на любовь? Он взял ее в жены, хорошо, что не в церкви. Он поселил ее в доме. В том доме, который он поставил на драконьей земле. И, смешав свою кровь, породнился с крылатыми тварями. Они подарили Гордону Эшби право говорить. Но ничего не дается даром. Взамен он должен был кормить их. Плоть за силу... и души, много душ, чтобы появились новые опалы.

Она замолчала.

И Милдред молчала тоже. Безумная история? Но в каждом безумии есть своя толика истины. Надо лишь понять, где она прячется.

– Вы ведь помните сказки? Ни в одной сказке драконы не были добры. Так с чего вдруг? Я не помню, как начались роды. К этому времени я почти все время проводила в полусне. Я ела и спала. Спала и ела. Ела во сне. Я видела их, тех девочек, которых Станислав превращал в кукол. Он всем говорил, что собирает их для меня, но...

Она прижала палец к губам.

– На самом деле ему нравилось вспоминать... и нравилось убивать. Да... в этом правда. И когда он показал мне младенца, я поняла, что Ник будет таким, как его отец. Истинным Эшби.

Глава 3

Старый приятель выглядел помятым. Он шурился, тер переносицу и мотал головой, будто мух отгоняя. Мух в забегаловке и вправду хватало. Они гудели, кружились под потолком, садились на серые от пыли окна. Ползали по липким столам.

И порой забирались в тарелки.

Впрочем, народ здесь собрался простой и к мухам привычный.

– Может, куда еще ходим? – Лука осторожно коснулся вилки, которая даже с виду была липкой.

– Снобом стал?

– Вроде того. А ты?

– А я не стал. – Дилан ослабился. – Я, мой друг, человек простой.

В мятом сером пиджаке, наброшенном поверх мятой серой рубашки. Легкая небритость. Красные глаза. И запах дорогой туалетной воды.

– Для кого представление?

– Да так... есть тут один. – Дилан смахнул муху, которая медленно ползла по гамбургеру. Тот выглядел в достаточной мере заветренным, чтобы Лука отказался от мысли перекусить. – Решил, что уж больно хорошее у меня место, самому такое надо. Вот скажи, какого хрена молодняк вечно в начальство прется? Думает, что в моем кабинете медом намазано? Да я хоть завтра... сидишь целый день, над бумажками чахнешь, голову ломаешь, какую дыру теми грошами, что нам из бюджета выделены, заткнуть. Людей не хватает. Адвокатишки у клиентов землю роют, гонорарчики отрабатывая. Ребята злятся. Прокуратура тоже лютует, мол, виноваты, если дело вернули на доследование. Судьи через одного входят в положение хороших оступившихся ребят...

Дилан махнул рукой.

– На земле как-то оно проще было, понятней, что ли...

– Зачем позвал?

– Слух пошел, что вы моего парня нашли.

– Какого?

– Вихо.

– Твоего? – Лука подобрался. И даже грязноватую тарелку поближе подвинул. Нет, есть это он не станет. Прошли те времена, когда он и сухому хлебу рад был, а в такой вот забегаловке подрабатывал.

– Официально он нам никто... то есть имелся у нас сотрудник, но имя другое. И сам понимаешь, закрытый файл. Нужен был кто-то чистый, если проверить захотят.

Дилан вздохнул. И, отломав кусок булки – а ломалась она с треском, – сунул в рот. Жевал он медленно, всецело сосредоточившись на процессе.

– Тогда, помнится, все было куда как менее прилично. Это сейчас бандюки, чуть что, за широкие адвокатские плечи прячутся, а тогда ножик в руку – и ищи потом. Жертва ограбления. Или просто пьяной драки, в которой даже если виноватого найдут, но разве оно легче станет? А кто-то вообще пропадал, и с концами, это аккурат года три назад, когда колумбийцы пришли. Безумные ребята. Но их местные хорошо проредили и к порядку призвали.

Лука приподнял булку.

Вялый лист салата, явно выдавший лучшие дни. Сизый огурец, который начал расплываться. И мягкая котлета с дырой в середине, точно пальцем проткнули. Соус лежал плотными комочками и с виду был твердым.

– Да ешь уже, тоже мне... цаца.

– Цаца. – Лука потер кончик носа. Надо будет шоколадный торт купить.

Ей понравится. Она шоколад любит. Или сочтет, что Лука нарушил тот молчаливый договор, который возник между ними? Торт – это слишком уж личное.

Или нет? Приедет наверняка уставшей, выложится до капли. И вообще, не стоило отпускать ее одну. Или стоило? Милдред не из тех, кто готов подчиняться.

– Вон, видишь... в углу сидит, пытается не смотреть. Это Тедди, мелкая шестерка у «Боевых котов». Коты, мать его, бизоны, тигры... хоть бы раз назвали себя баранами, какими по сути и являются. Тедди приглядывает за мной, собирает факты.

– Какие?

– Неумеренного пьянства. Злоупотребления. Проституток вот пытались подсунуть...

– А ты?

– А я был слишком пьян, чтобы воспользоваться. – Дилан широко осклабился. – А еще я играю. И проигрываю. Много... скоро, думаю, подойдут с предложением.

– А говоришь, жизнь скучная.

– Скучная. Разве ж это веселье? Все под колпаком... помнишь, раньше? В Нью-Йорке еще? Когда нас на складах зажали. Пули свистят... – Дилан прикрыл глаза, и вид у него сделался довольный.

– Свистят. – Лука потер плечо. Одна и присвистела. Чуть бы ниже, и все. А так месяцок в больничке, полгода реабилитации, потому как нерв задет, а они и с целительским присмотром восстанавливаются туго.

– Парня мы в университете зацепили. Была там одна история... предлагали ему заняться распространением. А он к нам пришел. Сам. Толковый был...

– Ты про Вихо Саммерса? Точно?

– А то... уникам... знаешь, к этому делу ведь тоже талант нужен. А у него был. Сперва я хотел зацепить рыбешку покрупнее. Дурь и студенты – это то же самое, что булка и масло, друг без друга никак. Но одно дело, когда там травка безобидная, а другое – когда серьезные мозголомы проскакивают. И ведь явно, что кто-то из преподавательского состава крышевал, уж больно нагло себя ребятишки вели. Вот я и предложил пареньку дельце. А он и согласился.

Дилан подпер щеку кулаком и вздохнул тоскливо.

– И чисто сработал, так чисто, что стало понятно, нельзя такой талант упускать. Я и пригласил его на беседу... уговаривать собирался, да... а он с ходу. У него характер такой был. Знаешь, случается, что люди на кураже живут. Вот и он тоже... чтобы риск, чтобы по краю... сочинили легенду... мы-то университетских взяли тихо...

– Погоди, та дамочка, которая любовница?

– Не совсем чтобы любовница. Скорее куратор. А над ней человек повыше стоял. Организовали производство на базе университетской лаборатории. Детишек прибрали. Подсадили кого на дурь, кого на легкие деньги. Мы выставили так, что Вихо вроде как не при делах. Его на допросы потягали, помуржили. Слушок пустили, что он вроде как только в постели с нею...

– А что там со спортивной командой? – Лука судорожно вспоминал основные вехи биографии подозреваемого.

– Ничего. Передоз обычный. Заигрался паренек. И та девчонка... связалась с профессором женатым, забеременела, а когда он отказался жену оставлять и пригрозил отчислением, сиганула с крыши. Не смотри так. В том университете десять тысяч человек учились. Молодых, заметь, готовых наизнанку вывернуться ради веселья. Вот оно иногда и случалось. Вихо тогда здорово помог. Его и в штат взяли. По закрытому каналу. Потом бы под программу попал.

Лука кивнул.

Паренек в углу весь извелся, не имея возможности подслушать беседу. Взгляд его цепкий мешал сосредоточиться, порождая в душе естественное желание сломать ублюдку нос. В целях профилактики, так сказать.

– И не возражал?

Многие не желают идти под защиту. Менять имя. Биографию. Рвать сложившиеся связи. Уезжать куда-то, снова примеряя маску чужой, кем-то другим сочиненной жизни.

– Да нет. У него там с семьей, насколько я понял, не больно ладилось. Отец умер. Матери он был не нужен. А для сестры деньги копил. Номер счета у меня. Передашь?

– Передам.

Деньги, судя по тому, что Лука видел в доме, пригодятся.

– Хорошо... после выпуска перевели в Нью-Йорк. Нашли конторку, а дальше он сам зацепился. Талантливый был парень. И главное, умный. Понимал, куда можно лезть, а куда не стоит, да... – Дилан вытащил из внутреннего кармана фляжку и приложился к ней. Крякнул.

– Чаек?

– А то... горячий. Ползарплаты отдал за нее, но оно того стоит... в нашем управлении чая нормального не найти.

– Не только в вашем.

– Сперва он по мелочи работал. Выбрался в полусвет... для высшего все-таки рожей не вышел, но дамочки его любили. А он не отказывался. Но и про работу не забывал. Передавал списки, кто, и что, и как... Много пользы принесли, да... Пара видных людей в итоге согласились сотрудничать.

Фляга с остатками чая отправилась во внутренний карман.

– Потом в банду «Святые» попал. Святой Джордж редкостный был ублюдок, совсем спятил на почве собственной избранности. Но адвокатами хорошими обзавелся. И за собой прибирал тщательно. Претензий у нас много было, но все как-то без доказательств. А это, сам понимаешь...

Лука понимал.

И пытался переосмыслить услышанное. Парень, выходит, был из своих? Не верить старому приятелю нельзя, но и поверить не получается.

– Вихо и собирал базу... доказательную, чтоб ее... собрал... мы тогда их накрыли аккурат с грузом. На два миллиона дури. И деньжата. И «Крегам» досталась. «Святых» и вовсе почти под корень, остатки кой-как там воевали, но их скоренько потеснили, да...

Дилан поскреб лысину, которая проклевывалась сквозь редкие волосы, привлекая мух.

– Тогда мы решили его убрать на время. Мало ли... вроде нигде и не засветили, но, сам знаешь, случаи всякие приключаются. А у меня на паренька свои планы имелись. Мне он живой был нужен. Вот и отправили его в отпуск на пару месяцев. Домой. К мамочке. Думал, отдохнет, отсидится. Там же глушь такая, что... – не найдя слов, чтобы выразить эмоции, Дилан махнул рукой.

– Что случилось?

– А чтоб я знал... сперва он тихо сидел. Как тихо... репутацию поддерживал. Гуляка. Мот. Бабник. Несерьезный тип с полным отсутствием моральных принципов.

Удобный человек, который явно готов на все ради денег. И маска села хорошо, если никто так и не понял, что было второе дно.

– Потом он позвонил из Тампески. Сказал, что в городе неладно, что идет транзит, и, похоже, серьезный. Что айоха замешаны.

Дрянь.

На земли коренных племен без разрешения не попасть, а пускают они неохотно.

– Он передал образцы. Кокс, смешанный с чем-то, что многократно усиливало его действие.

Вдвойне дрянь.

– И делали его на землях айоха. Вроде бы. Как? Вихо не знал. Собирался выяснить. На него вышли с предложением, пока обычным, поучаствовать в продаже. Он согласился... проклятье, я уже тогда чувствовал, что это дело нам боком выйдет.

Боком сидел паренек, явно прикидывая, может ли отлучиться ненадолго или все же упустит что-то важное. Сомнения отражались на его лице, а от активной работы мысли на лбу пролегли глубокие морщины.

– Вихо считал, что в деле замешаны егеря. Кто? Так и не понял. Он редко на связь выходил. Из своего городка опасался звонить, не знал, кто еще завязан. Списывался... вроде как с бабами, которые его содержат. Ячейку снял. Письма слал. Но опять же, сам понимаешь, много не напишешь.

Лука кивнул. Понимал.

– Сперва он думал, что дело только-только затеяли, но эта дурь по всей стране всплывала. И когда мы зацепились... в общем, я просил вывести парнишку. Все же кем бы он себя ни мнил, а это другой уровень. Только ж начальство велело не вмешиваться. А с начальством разве спорят? Вихо сперва продавал. Вроде как... нам выделили неплохой бюджет, лаборатории отравы нужна была.

Переносица у Дилана мясистая, широкая и блестит, то ли сама по себе, то ли от привычки это эту переносицу щупать. Щупать и морщиться, будто от боли.

– Оказалось, что из этой дряни другую слепить можно, которая вроде как то ли от рака, то ли еще от чего... Но наши кипятком ссались, так хотели добраться до лаборатории. И приказано было не спешить. Денег опять же давали... Когда у нас такое было, чтоб денег давали по первому запросу?

Лука согласился, что никогда, что явление это, мягко говоря, удивительное. И оттого подозрительное вдвойне.

– Вот то-то же... Вихо не торопили. Все понимали, что если ошибется, то хрен им рыбий, а не патенты на эту дрянь. Я ж тоже не дурак.

Это да, Дилан мог производить впечатление не слишком далекого человека, но Луке ли не знать, насколько оно обманчиво.

– Дело мальчишки вообще убрали. Везде, где упоминался, под номером шел. А номера – это такое... вот... – он развел руками. – Года два тихо было... то есть дурь шла, конечно. И Вихо привозил, сдавал... его повысили до курьера. Удалось понять, что ее собирают тут, а после уже курьером передают айхоа, где те и колдуют. Но доказать, что это они... он оставлял пакеты в условленном месте, получал свой процент и веселился изо всех сил. Со своей стороны мы цепочку выстроили, а вот там... маленький городок, все на виду. И любой чужак вызовет подозрение.

– Почему егеря?

– Мальчишка наведался к родне с той стороны. Возникло желание к истокам припасть, предков почтить и все такое. Приняли его спокойно. Подаркам порадовались. Предложили жен купить недорого, вигвам поставить пообещали. Он согласился. Время от времени наезжал, жил порой по паре недель. Становился своим. Но так и не стал. Он был уверен, что по открытой дороге никто не ездит. За этим следят. А если не дорога, то остаются горы, в которых драконы обитают. И драконы чужих не любят. Стало быть что? Стало быть, свой дурь носит. Тот, с кем и айхоа разговаривать будут, и драконы пропустят. Поэтому и партии всегда были небольшими, такими, чтобы человек унести мог.

Логично. И если разобраться, то верно. Дороги к резервации небось с самого начала на контроль взяли.

– Сестра?

– Парень был уверен, что она ни при чем. Сказал, что слишком прямолинейна.

В этих словах есть своя правда. Девчонка была прямой до отвращения. С такой не особо поиграешь, но... если втемную?

Попросил кто-то из своих отнести гостинчик... Нет. Не дура. Милдред так сказала: прямая, упрямая, но не дура. Да и гостинчик отнесешь раз-другой, а потом закономерно вопросы возникнут. И что тогда?

– Их там немного служит. – Дилан вцепился зубами в мятый бок холодного гамбургера. – Он пробовал завязать отношения, но не приняли. Довольно замкнутые ребята. Старший их, Оллгрим, бывший военный. На островах служил, поймал пулю, а с ней просветление, после которого и ушел в егеря. Сомневаюсь, что он. Он не столько по горам лазит, сколько за своими приглядывает. Документацию ведет. Денежными вопросами ведает. И возраст у него не тот. Мало кто знает, что Оллгрим в больничке постоянный клиент. Проблемы с суставами. Ему пройти пару миль тяжело. А уж ходить туда-сюда и вовсе.

На стол посыпались крошки, а мальчишка все же решился отлучиться. В туалет? Или к телефонной кабинке, которую Лука заметил снаружи? Второе скорее. Кому звонить станет? Впрочем, кому бы ни стал, отследят. И наверняка, помимо этой самой кабинки, в округе работающих не осталось.

– С тем паразитом беседовать станут. Ему обещано, что если меня подвинет, то поспособствуют карьере. Вот скажи, откуда в людях дерьмо берется?

– От плохой еды? – предположил Лука.

– Бывала и более плохой... тогда вроде бы все замерло. И начальству, как понимаешь, не нравилось. Одно дело – разовая акция, и совсем другое – когда постоянно берешь дурь. Бюджет-то казенный. Начали давить на меня, чтобы я парнишку подтолкнул. Я отказался. Вот чувал, что не его это уровень, что надобно разрешение выбивать и лабораторию искать. Магов там подтянуть... Они мне пели, что с магами не выйдет, что там условия нестабильны. Как дурь делать, так стабильны, а как найти, так, значит, нет.

Парнишка вернулся и заполз на свое место.

Вот тот другой, который думает, что ведет Дилана, и вправду настолько туп? Или есть что-то еще, Луке не видное? Наверняка есть. Но это чужие дела. И Луке не стоит вмешиваться.

– У меня потребовали контакты. А в Тампеску поехал связной. Девушка, которую Вихо должен был представить своей невестой.

– Блондинка? – уточнил Лука.

– Да. Тогда это не казалось важным. Просто... у парня вроде как тяга к блондинкам, и Инга вписалась бы. Кроме того, она была магом, пусть и слабеньким. Я был против.

– Но тебя не послушали?

– Там всегда знают, как оно лучше и правильней.

Лука качнул ногой, соглашаясь. Нет, мистер Боумен, если разобраться, толковый начальник, лучше многих, но... Над ним свои стоят, а над теми – другие. И на всех толку не хватит.

– Девушку нашли?

– Нет. Он ее точно встретил. Увез. Познакомил с сестрой... и на этом все. Оба попали под бурю.

И Вихо Саммерс исчез в пустыне, чтобы выплыть через три года.

– Вы их искали?

– Естественно. Как раз поиск объявлен был. Наши люди и отправились в помощь. Пустыню прочесывали. И вертолеты гоняли.

– Там же драконы?

– Их егеря тоже просили. Та девочка, которая сестра Вихо. Они, к слову, не больно похожи, но... ты видел когда-нибудь дракона вблизи?

– Нет.

– А мне пришлось. Знаешь, такая вот зубастая хрень, которая тебя одним движением лапы раздавить способна. А она с этой хренью ласково щебечет. И объясняет, что дракону песок не помеха, что он иначе ищет.

Только и драконы не помогли.

– Мы тогда еще пятерых туристов в пропажу заявили. Чтоб повод был поиски развернуть... но тоже...

– А они были?

– Как ни странно, были. – Дилан запихал остатки бургера в рот и заговорил: – Аккурат пятеро... молодые идиоты. Три парня, две девчонки. На пикник рванули, к морю. Машину нашли. Одну из девчонок тоже... мертвую. Под это дело хорошо народу нагнали. И к айоха сунулись, вдруг да... потом еще ордер выбили.

– Но без толку?

– Без толку. Дурь, правда, некоторое время не появлялась. Наши даже решили, что спугнули хозяина, ан нет, всплыла через полгода. В Нью-Йорке. Но тамошние с нами связались. И наши опять на дыбы встали. Требуют, чтобы я им лабораторию принес. Желательно со всеми, кто там работает, осознавшими свои заблуждения и готовыми сотрудничать.

У начальства порой возникали самые странные желания. Большею частью невыполнимые.

– Я сказал, что не факт, что она еще тут. Но оказывается, та дрянь, которую в кокс добавляли, драконья кровь.

– Что?

– Ага, я, как услышал, просто прифигел. И знали-то с самого начала, но молчали. Государственная тайна. Главное, что если просто намешать, то ничего не выходит, что-то там неправильно с насыщением. А что, они сами не знают. Пробовали по-всякому, только ни хрена. Иначе бы не дергались так. Начали давить, чтобы я эту девчонку зацепил. Что если егеря замешаны, то надо контакт устанавливать. Но тут уж я послал. Вихо хоть в теме был и работал сколько, а все равно попался. Сказал, что если им надо, пусть айоха трясут. Отправляют переговорщиков, торгуются со старейшинами. Те-то наверняка в курсе происходящего. Там без разрешения старейшин и чихнуть не позволят.

– И как?

– Да отстали. То ли поняли, что толку от девчонки не будет, то ли свою игру начали. Меня вообще сюда перевели на постоянку. Вроде как поднимать раскрываемость, учить работе и все такое...

Стало быть, свою игру. И не будет ли плохой парень Билли очередным скрытым агентом? Правда, если так, то непонятно, кто его с такой психикой вообще к работе допустил.

Впрочем...

Лука порадовался, что прихватил снимки.

– Знаешь?

– О, надо же... отыскалась и эта пропажа. Засранец Билл.

Прозвище было говорящим.

– Ваш?

– Стукачок, – согласился Дилан. – Правда, из мелких. Взяли как-то с двумя фунтами травы, чуток надавили... редкостный засранец.

– Это я уже понял.

– Но бабы его любили. Умел впечатление произвести. Правда, потом крышу срывало. Мозгов как у канарейки, а амбиции орлиные. Значит, его подсунули?

– Похоже.

– Идиоты. – Дилан покачал головой. – Он и простейшее дело испоганить мог, не по злomu умыслу, но ввиду отсутствия мозгов и еще общей дермистости характера.

Парня навели на Уну? Что велели? Втереться в доверие? Очаровать? А дальше? На одном очаровании далеко не уедешь. А вот страх – дело иное. И вот бил он девчонку по приказу свыше или по собственной безголовой инициативе? А ведь продержался долго.

Что врал? Или не только врал? Не получилось ли так, что и к нему обратились с тем же предложением, что и к Вихо? И парень его принял. И Уну давил, доводя до черты, после которой она бы молча выполнила все, что он хочет, лишь бы больше не трогал.

Мерзость. Но могло сработать. Или нет? Или и вправду устроили бы засранцу несчастный случай?

– Кстати, мне, конечно, не говорят, но птички нашептали, что в последний год количество дури значительно уменьшилось... да, слушок пошел, что скоро и вовсе не станет. Запасы на исходе. А цены взлетели вчетверо...

Глава 4

Братец за годы изменился. Куда подевался мальчишка со шрамом над бровью и кучерявыми волосами, которые его несказанно злили этой своей девчачьей кучерявостью. Как-то он, добравшись до мамкиной корзинки с рукодельем, выгасил ножницы и постригся.

Крику было. Досталось почему-то Томасу. Старший. Не уследил. А он, если подумать, всего-то на полтора года и старше. И дела свои имелись. И вообще...

– Привет, Даг, – сказал Томас и руку протянул, которую Даг принял осторожно, будто боясь раздавить. У самого-то лапы огромные, кожа задубела, покрылась сеткой черных шрамов.

– Привет, стало быть, – прогудел Даг, правда, не слишком радостно.

Когда все разладилось?

Когда Томас уехал, а Даг остался, единственный из троих, этакой последней надеждой папашки обзавестись наконец правильным наследником.

Даг был рад. Он всегда стремился вылезти вперед. И дико обижался, когда его на охоту не брали. Но ведь после отъезда Томаса должны были бы взять? Или нет?

Кудрявые волосы поредели. И лысина, проклюнувшись на макушке, расплзлась таким уродливым пятном, будто плесень, право слово. Округлое лицо утратило детскую припухлость, зато обзавелось взрослой щетиной и отвисшими щеками.

Волосатые руки. Клетчатая рубашка, будто оставшаяся с тех давних времен. Помнится, отец такие любил. Джинсы. И старый ремень.

– Неплохо выглядишь, братишка, – примиряюще сказал Томас.

Если кто и может знать, что случилось той ночью, это Даг. Он всегда любил подсматривать. Вечно следом ходил и ныл. Порой жаловался родителям. И тогда Томасу прилетало.

– И ты ничего. – Даг плюхнулся на стул. – Пить будешь?

– Воздержусь.

– Брезгуешь?

– Голова болит, – почти не соврал Томас. Голова и вправду болела. Когда сильнее, когда слабее. Сейчас вот боль отступила, превратившись в тень самое себя. Но пить ему настоятельно не рекомендовали. А прибывший из Тампески менталист сказал, что Томасу следует в церковь заглянуть. Помолиться.

И вообще, он может считать, что во второй раз родился.

В третий. Томас точно это знал, но спроси кто почему, не ответил бы. На его счастье, никто подобным вопросом не задавался.

Даг махнул рукой:

– Пива... чистюля. Совсем нас позабыл.

– Прости. Дела.

– Ага, – сказано это было так, что стало понятно: в существование этих самых абстрактных дел Даг не верит. И правильно делает. Томас и сам не мог бы сказать, отчего он столь упорно избегает появляться в городе. Даже когда случался отпуск, Томас предпочитал проводить его где угодно, только не дома. И причины находил веские, как ему казалось.

Теперь эти причины казались смешными.

– Я по делу, – задушевной беседы не получится. Но Томас должен спросить. – Помнишь Берга?

– Ага. – Даг одним глотком ополовинил бутылку.

– И ту ночь, когда... его не стало?

– Когда ты его пришиб.

– Что?

– Мамка велела молчать. – Даг вытащил из кармана отцовский портсигар и постучал им по стойке, нарочно привлекая внимание. – Но мамки нет. И папашка спился... знаешь, как он меня драл?

– Знаю, меня он тоже драл.

– Но не в пьяном угаре. Ты уехал, и все. Забыл. Будто и не жил здесь.

– Ты на это обижаешься?

– Я? – Даг откинул крышку и вытащил мятую папиросу. Курили в баре много и всегда, и сигаретный дым, собираясь под низким потолком, красил его в серый цвет. Ближе к полуночи дыма станет так много, что старенькая вентиляция окончательно им захлебнется. Он спустится к полу, прикрывая разноцветные осколки. Он поднимется и укроет раздолбанные мишени, в которых время от времени застревали дротики. Он пропитает одежду и волосы людей, здесь собравшихся.

– Я не обижаюсь. Чай, не дитё. Я говорю, что из-за тебя все разладилось. После той самой ночи...

– Я ее не помню.

– Что, совсем? – вялый интерес и недоверие.

– Совсем. Я даже не помню, что к Эшби заглядывал накануне. К ним пошел, увидел дом и поплыл. Сказали, что блок стоял.

Врать брату смысла не было, тем паче информация была не то чтобы закрытой.

– Он слез, но память порушил. И теперь я разобраться хочу, что там случилось.

– А хрен его знает, что там случилось, – меланхолично отозвался Даг. – Вы ж меня не взяли. Я просил, а вы не взяли... вечно вдвоем. Я помню.

Он допил пиво и махнул рукой, призывая новую бутылку, которая появилась в мгновение ока.

– Я хотел в окно вылезти. Даже пригрозить думал, что все расскажу, только заснул. Ждал, ждал и заснул. Случается с детьми... набегался накануне. Проснулся уже от голосов.

Из-под крышки пошла пена, которую Даг слизнул.

– Мамашка. Папаша и старик Эшби... – Его передернуло. – Я его боялся. Встретил как-то... камни в пруд кидали. С Крисом. Помнишь Криса? Он загнулся вскоре... Эшби подошел. Стал нести какую-то хрень про то, что лягушки тоже живые. И вообще... он с Крисом трепался. А я только и думал, как бы куда подеваться. Не хотел, чтоб он на меня пялился. Глазищи такие. У людей не бывает таких.

Это Даг произнес с немалой убежденностью.

– Он сказал Крису, что тот умный. И что ему надо учиться. Много учиться, и не только в школе. Предложил заглянуть в усадьбу. Крис еще хвастался, что его Эшби сам учить взялся, чтобы потом в колледж можно было поступить. Или в университет. Ага... хрен ему, а не университет.

– Погоди. То есть Эшби учил Криса?

– Так я тебе о чем толкую. И не только его. Вы тут мышей ни хрена не ловите. Он еще тем извращенцем был. Не знал?

– Откуда?

– От верблюда. – Даг пил пиво большими глотками, отфыркиваясь и кривясь, будто сам процесс этот не доставлял ему никакого удовольствия. – К нему полгорода бегало. Книжки читали. В саду играли... Джейла Макграви, помнишь такую? Она все с розами возилась. Пока не померла. Видишь, какое, мать его, совпадение?

Головная боль ожила. Она поползла змеей, охватывая голову, угрожая стиснуть ее в кольцах и раздавить. И тогда не будет Томаса, а с ним сгинет маленькая грязная тайна.

Чья?

– Он и к Берту подходил, я знаю. Только тот слушать не стал. Ему насрать на книги было.

Никто не стал бы закрывать блоком мастерскую. Необычная, но ничего ужасного Томас там не увидел. Или Эшби стеснялся своего увлечения?

Отнюдь. Он явно гордился.

– ...Ночью я его одену, – сказал он, усаживая деревянного человека перед окном. – Вернее, ее. Мне нравится думать, что это – женщина. Пока, конечно, очертания тела андрогинны...

Этого слова Томас не знал. Ни тогда, ни теперь. А если так, то, исключительно логически, мог бы он выдумать его? Нет.

– Я выполз из кровати. Понял, что произошло что-то такое... нехорошее... дверь приоткрыл. Они говорили. Папашка громко. Мамаша рыдала. А Эшби... он тихий всегда. И получилось услышать не сразу. Он сказал, что твоей вины нет, что произошел несчастный случай.

– Какой?

Вины нет. На ком?

...Берег. Море. Волны. Поплавок ныряет, а рыба не ловится, хотя ночь вполне себе отличная для рыбалки. И Берт злится. Он думает, что это Томас виноват...

– Ты это... – Даг хлопнул по плечу, вырвав из воспоминания. – Туточки не загнись, лады? А то не хватало головной боли. Объясняйся потом.

– Я не помню. Ничего не помню.

– Ага. Он так и сказал. Что помнить ты ни хрена не будешь. Что он так сделал, потому что ни к чему оно. Что это только жизнь изуродует, а Берта не вернет. Что он сам свидетельство о смерти выдаст, в котором будет значиться инсульт. С детьми тоже случается. И шериф примет. Куда он денется.

...Волны теплые. За день море нагревается и потом, после заката, спешит делиться этим теплом. Берт скидывает рубашку. А Томасу страшно.

Он никогда не плавал ночью.

Ночное море выглядит бездонным. Да и здесь, на Дальних камнях, хватает ям. Нет, плавать Томас умеет, как и все местные, но как узнать, что там, в этих ямах?

Вдруг да скрывается тварь морская? Вдруг да выкинет щупальца, обвивая ноги Томаса? Вдруг...

– Кровь идет. Из носу, – сказал Даг и сунул мятый платок. – Ты это... не особо того... папаша тогда орал, что он тебя зашибет, ублюдка этакого. А мамашка, та плакала, что ты не виноват. Она всегда плакала... тебя и отправили-то, чтоб глаза не мозолил. Я вот остался.

– Мне жаль. Но я... не помню.

– Ты ему голову разбил. Там уже шериф написал, что вроде как голова разбилась при падении, но я потом слышал, как они говорят. Родители. Ты тогда пластом лежал. Небось Эшби, когда в мозгах поковырялся, чего-то не того скovyрнул, вот тебя и переклинило. Дышать дышал, глаза еще открывал, только смотрел так... ну... не как нормальный человек. Эшби каждый день заглядывал. И папашку унял. Сказал, что сам о тебе позаботится. Что если папашке тяжело принять, то он найдет как устроить. Есть у него знакомцы... Ты вот знаешь, что не было у папаши братьев?

– Как не было? – Томас все же потянулся к бутылке.

Голова и так раскалывалась. И пить хотелось. Так хотелось, что язык, казалось, присох к горлу. И ни вдохнуть, ни выдохнуть.

...Вода поблескивает. И лунная дорожка лежит на ней...

– А вот так. Не было. Это тебе сказали. Ну и другим. У мамашки тоже только сестра, и та в Аризоне. Она ж не из местных. А местным интересно было, куда тебя спровадили. Народ-то сообразительный, шептался много, не все верили, что Берт сам помер.

Пиво было теплым и горьким. Оно оставило гадостное послевкусие, но бутылку Томас допил.

– Тогда... кто меня принес?

– Эшби. Сперва тебя. Потом шерифа кликнул. Вроде как Берт один рыбачить пошел. А у тебя мозговая лихорадка приключилась. И стало быть, к тебе нельзя. Этот... как его...

– Карантин?

– Во-во, он самый. Мне тоже из дому выходить запретили. Но я и не стремился. Как-то все было... я ж дитем был, но все одно шкурой чувствовал, что оно неладно. Хотелось залезть в какую нору и не высовываться. Папаша вообще обмолвился, что ты, наверное, сдохнешь, так оно и надо, потому что хватит с него ублюдков в доме.

– Я не помню! – прозвучало беспомощно.

– Ага, – равнодушно отозвался Даг. – Эшби и ему что-то сделал. Глянул как-то, и папашка заткнулся. Даже по пьяни больше не заговаривал. И мамаша тоже. Они вообще будто забыли про Берта. Комнату его мне отдали. Нет, я рад был, но страшно... окно запирает стал, все казалось, старик Эшби придет и заберет меня.

Боялся ли Томас старого Эшби? Нисколько. Он был другим, несомненно. Он разительно отличался от обычных жителей городка, но при всем том в его необычности не чувствовалось угрозы. Напротив, с мистером Эшби было спокойно.

– Вещи Берта он забрал. Пришел и сложил все в коробки. Даже старые ботинки. Сказал, что так оно будет легче. Всем. Не знаю, как про всех, но мамка перестала плакать. А папашка бухать стал. Он и раньше-то пил, но как-то по-человечески, что ли? А тут до белых глаз.

Даг откупорил новую бутылку:

– Твое здоровье. Ты вот очнулся. Я хотел спросить, что там приключилось, но ты не помнил. Сидел. Смотрел. И говорить не мог, только мычал. А как заговорил, то совсем отмороженный сделался. Я тебе слово, а ты на пол падаешь и головой стучишься. Или вот сядешь, упрешься взглядом в одну точку и сидишь так. Час, другой... жуть просто.

– Не помню.

Если долго повторять, может, память смилоствивится? И Томас поймет, что произошло на том берегу?

– Ничего не помню...

– Потом вроде ничего. И стал почти как раньше, только перемыкало порой. Не помнишь, как играли с тобой? В пиратов... ты меня поймал, повалил и душить стал. Если б мамка не прибежала, удушил бы на хрен.

– Не помню.

– Ага... – Даг не сдержал отрывку. – А потом с этой полукровкой... приключилось. Ты ее едва не пришиб.

– Не было такого.

– Ага... мисс Уильямс тебя отдирала. Ты ей в горло вцепился и кричал, что она должна сдохнуть. Сам в кровищи... Джер и тот перепугался до усрачки. Вас разнять не сразу вышло.

– Не было такого.

– Было, было, потому тебя и отослали. Старик Эшби пришел и сказал, что лучше бы тебе обстановку сменить, что так быстрее отпустит. Обещал, что за тобой присмотрят. И что, когда время придет, ты вернешься. Стало быть, пришло.

Боль накатывала волной.

Даг меланхолично заметил:

– У тебя из уха кровь идет.

А Томас лишь кивнул. Идет? Пускай себе. Глядишь, вся не вытечет. А если и вытечет, то смерти он не боялся. Но салфетку, скомкав, к уху прижал.

– Что... еще... скажешь?

Слова отдавались в затылке, будто кость стала медной, а звуки – молотом, по этой меди ударявшим. И дышать приходилось ртом, потому как из носа тоже кровило.

– А чего надо? Если хочешь, приезжай. Место найдется.

– Я в мотеле.

– Ага... слышал...

– Эшби?

– Ник? Да вроде нормальный парень. Хотя... как-то случилось мне беседовать... сам дурак, конечно, по дури влез. Не стоило девчонку трогать... да... теперь понимаю, а тогда кровь кипит, и приняли опять же на грудь хорошенько. А как приняли, то и... в общем, нехорошо получилось. Да... Ник после появился. Поговорить. И поговорил.

– О чем?

Даг глянул поверх головы.

– О том, что нехорошо обижать маленьких беззащитных девочек, да... И так говорил... вроде не матюкался, а ощущение, что с меня кожу живьем содрали. Мрак. Это из-за глаз. Они у него драконьими становятся, да... Потом еще Дерри нашел. Поговорил... Я после неделю отлеживался, но уж лучше так, чем пять минут с Ником... честно, чудом не обделался. Вот вспоминаю, пытаюсь понять, что ж там было такого. И каждое словечко, им сказанное, помню, а с чего жуть такая, непонятно...

Даг не походил на человека, которого можно было напугать.

– Это Зои вас...

– А? Да, она. Что-то там не поделили. Но полукровка всегда наглой была. Ей бы тихо сидеть и радоваться, что белые люди к себе пустили, а она вечно зубы оскалит и твякает.

Томасу захотелось свернуть Дагу нос набок. Пусть и до того он был свернут, но глядишь, и выровняется, а там, следом, и голова в порядок придет.

Порядка этой голове определенно недоставало.

– Зои же красивой была... такая штучка... наши все облизывались, но она никого не подпускала. Так, проводить позволит, по улице пройдет. В «Цветке» посидит, и только... Джер сказал, что она поцеловать его пообещала, если пугнем полукровку.

Да, определенно недоставало.

– Почему Эшби на ней женился?

– Так... любовь зла.

– А была ли любовь?

– У него – да... Помню, она вернулась сразу за Ником. Или перед? Черт, оказывается, и не помню. Но вернулась. По первости из дома носу не показывала... с ней, думаю, тоже говорили, хотя иначе, чем с нами. Дерри не стал бы бабу бить. Но уехала она после той истории быстро. А потом вернулась. На свою беду. Глядишь, не полезла бы к Эшби, живой бы осталась.

– Она еще жива.

– Да лучше сдохнуть, чем такая жизнь. – Даг щелкнул пальцем по горлышку бутылки. – Старуха ее на каждом углу орет, что это Эшби виноват. Только неправда. Ник ее любил. Знаешь, я ж видел, как они встретились... он глянул – и все. Это многие видели, да... даже слушок пошел, что она его приворожила, но Ник же Эшби, его ж не приворожишь. Вроде как.

Кто-то заржал. И чужой смех ударил по ушам, заставив скривиться.

– Все-то думали, что он полукровку в жены возьмет, он с ней возился, но тут появилась Зои... С девкой они не ладили.

– Ее Уна зовут.

– Завалил-таки?

– Нет.

– Ты к ней всегда неровно дышал. Так что не щелкай, братец... хотя... ты ж вернулся...

– Не навсегда.

– Это ты зря. У шерифа детей нет, а за порядком кому-то надо смотреть. Вот потому тебя Эшби и выбрал.

Хохот сделался громче, а табачный дым определенно гуще. Он резал глаза, драл горло и туманил разум.

Эшби отправил его к дяде, который, оказывается, дядей вовсе не был... и никогда-то не возникало сомнений. Да и кто будет сомневаться в словах взрослых?

– Зои... Зои вернулась этакой столичной штучкой. Настоящая леди. Наши местные и в подметки ей не годились. Ник и влюбился... там аккурат со стариком несчастье приключилось. Вовремя очень. Если б Зои не боялась драконов до усрачки, я б подумал, что это тоже она. Она хитрая стерва. В той истории я ведь не особо молчал, как шериф свои вопросы задавать начал, я сразу и раскололся. С Маккорнаком спорить себе дороже. Вот... ее вызвали. А Зои глазками хлопает и невинность играет... но ведь целовалась она. С Джером-то. Я знаю. Сам видел.

– Какое несчастье? – сквозь гул голосов и надсаженный хрип музыкального автомата Томас выделил главное.

– Так со стариком Эшби. Не знаешь? Его ж дракон зашиб...

Глава 5

Томаса я нашла на заднем дворе забегаловки, в которую любил заглядывать Билли. Да что там любил, в последние месяцы он проводил там и дни, и ночи, просаживая те крохи денег, до которых получалось дотянуться.

Хуже всего, что ему давали в долг. Пятерку. И десятку. И даже пятьдесят, зная, что я отдам. Я ведь должна отдавать долги чести, плевать, что чужие.

– Пил? – поинтересовалась я, спрятав руки за спину.

Хотелось вцепиться в волосы этого придурка, которому бы лежать тихонько, надеясь, что последствий от ковыряния в мозгах не будет, а он по барам шляется.

– Нет.

– Врешь.

– Глоток пива. На редкость поганое.

– А то. – Я плюхнулась рядом. – Другого здесь нет. Подозреваю, что его тут и варят... или не тут, а там – пустыня большая.

Луна ныне почти вошла в тело, вон, в боках раздалась, краснотой налилась, не предвещая ничего хорошего.

– Я с братом говорил, – признался Томас, ковыряясь в ухе. – Он сказал, что это я Берта убил.

– Вот так прямо и сказал?

– Прямо.

– А ты?

– А я ничего не помню. То есть помню. Только не уверен, что это действительно память, а не игра воображения. Еще сказал, что Ник с ним разговаривал после той истории, когда тебе косу обрезали.

Надо же. Я не знала. И теперь обрадовалась как-то совершенно по-детски. Значит, ему было не все равно. Но он же был в отъезде? Или нет? Нет, был в отъезде, это точно, но... возвращался?

У него ведь случались каникулы. Праздники. И в теории Ник мог бы наведаться, но... почему я не знала? Он не желал встреч?

– Тоже что-то вспомнила? – светским тоном поинтересовался Томас.

– Вроде того. Его здесь не было. Он учился. И приезжал редко. А когда приезжал, отправлял мне приглашение. На ужин. И мы ужинали в его треклятом огромном доме... на День благодарения. И еще на Рождество. И весной тоже. Но когда приключилась эта хрень, его здесь не должно было быть.

И я знаю, о чем говорю, потому что... потому что каждый приезд Ника был событием.

– Почему он не сказал?

Зря спрашиваю, откуда Томасу знать. Но он пожимает плечами и говорит:

– Может, не хотел ставить тебя в неловкое положение?

Хорошая теория. Мне нравится.

– Пройдемся? – Сидеть невыносимо. И я встаю. Томас тоже поднимается, замирает на мгновение, будто пытаюсь справиться со слабостью. Во мне даже совесть просыпается. Ненадолго.

Но тотчас замолкает. Я ведь не настаиваю. Я просто предлагаю, а уже его дело, принимать предложение или нет. И вообще, он уже большой парень, сам должен думать, что и как.

– Знаешь, ощущение такое, будто я не уезжал. – Он сунул руки в карманы просторной кожанки. – Ничего не изменилось. Даже люди не сильно постарели.

– Ага.

Я не уезжала, но, пожалуй, была согласна с тем, что в нашей дыре время тянется медленно. День за днем. И еще день.

– Мне бы домой. – Я не боялась возвращаться.

Еще чего. Теперь, когда Билли точно мертв, бояться некого.

– Уверена?

– Не знаю, – я пнула плоский камень. Маму эта моя привычка раздавать пинки камням весьма раздражала. – А куда еще?

– Эшби?

– Вы друг друга интересуете, – хмыкнула я. – Скоро ревновать начну.

– Кого и к кому?

Следующий камень сдвинулся с места. А мне подумалось, что это и вправду по-детски, идти, спрятав руку за спину, чтобы тот, кто рядом, не вздумал прикоснуться к ней.

А он и не думает. У него свои заботы. И кровь из носу не идет, но Томас все равно им шмыгает.

– Спрашивал?

– А сам как думаешь?

– С тобой всегда было непросто.

– С чего бы? – вполне искренне возмутилась я. Может, я и не была примерной девочкой, которая умеет красиво присесть, взявшись за подол платица, но чтобы сложно...

– Ты на меня внимания не обращала, – пожаловался Томас и, глянув искоса, тоже пнул камень. – Я пытался привлечь...

– Это когда книжкой по голове шандарахнул? Или когда клей на стул пролил?

– Я клей не лил!

– А кто тогда?

– Понятия не имею. – Он сорвал сухую травинку и протянул мне. – А за книжку извини. Дураком был...

Хотелось ответить, что и остался, но неожиданно для себя я эту травинку приняла. И даже присела, отведя полы куртки. Прекрасная леди.

Не выдержала и фыркнула. И Томас фыркнул. Расхохотались мы одновременно.

– А помнишь, как ты мне гремучку змеиную к куртке прицепила? Я тогда извертелся весь, все пытался понять, где гадюка.

– Помню. Я эту гремучку знаешь сколько искала?

Он все-таки взял меня за руку. Просто так. И я не стала прятаться. Тоже просто так. Ведь каждому понятно, что ничего-то у нас общего нет. Разве что немного прошлого, которое теперь не кажется таким уж горьким. Пара воспоминаний на двоих.

И к ним – нынешний вечер.

Фонари горят через один. И в окнах домов отражается этот свет. Будто луны на веревке.

– Как оно, в большом городе? – спросила я, чтобы разрушить затянувшуюся паузу. И то странное неловкое ощущение, которому вроде бы и взяться неоткуда, а оно взялось.

– По-разному... Шумно. Суетно. И постоянно спешишь. Даже когда спешить некуда, все равно спешишь, скорее по привычке. – Он шел медленно. И я подстроилась под этот шаг.

Гуляем. Я тысячу лет не гуляла, чтобы просто так.

– И драконов там нет.

– Только в музее, – согласился Томас. – Скелеты. Но это не то... я бы хотел пригласить тебя в кино.

– Так пригласи.

– А здесь оно есть?

– До Тампески, если по старому шоссе, пару часов всего. Правда, там ямы, а если бурей накроет, то будет невесело. Но бури пока отыграли. Драконы летают.

Томас кивнул.

Главная улица осталась позади. Видели ли нас? Наверняка. В этом городе всегда кто-то кого-то да видел. И завтра сплетни пойдут. Наведаться, что ли, к матушке? Поинтересоваться, что обо мне говорят? С другой стороны, с чего вдруг меня стало интересовать, что обо мне говорят? И почему вдруг мы с Томасом оказались настолько близко друг к другу, что касаемся уже не ладонями, но плечами?

– Тогда поехали?

– Поехали. – Я испытала острое желание отступить. Найти уважительную причину, чтобы не ехать, но в голову ничего не приходило. Да и в кино я не была... никогда, почитай, и не была.

– Завтра вечером?

– Завтра, – соглашаюсь, – вечером. Только платьев у меня нет.

– Ничего. – Томас улыбается. – Ты и в штанах отлично смотришься.

Врет.

Хотелось бы думать, что врет, но сердце предательски ёкнуло. Вот ведь... только очередной любовной истории мне не хватало. От прошлой еще ребра не отошли, а я снова.

– Что-то не так? – Томас сразу уловил перемену в моем настроении. И остановился. – Я тебя обидел?

– Не ты.

Врать смысла не вижу. Ложь никогда не бывает спасением. А ребра заныли, напоминая, что мужчинам верить не стоит, что они горазды говорить, но потом, когда устают от разговоров, начинается другая игра.

Угадай, в чем ты сегодня провинилась.

– Уна. – Томас коснулся моего лица, и я отпрянула. – Это я. Помнишь?

– Да.

– А он уже умер. Совсем.

– Да.

Я это понимаю, только... я наивно полагала, что избавилась от страха. А он вот здесь, никуда не делся. Сидит, нашептывает, что надо быть осторожней.

Надо любить себя. Беречь. И сторониться мужчин.

– Ему отрезали голову. – Томас просто сгреб меня в охапку и прижал к себе.

Я слышала, как бухает его сердце, и хотела вырваться. Честно, хотела.

А вместо этого уткнулась носом в черную кожу, от которой пахло сигаретным дымом, и еще туалетной водой, и песком тоже, и средством для чистки кожи. Уткнулась и всхлипнула.

– Он больше не вернется, никогда.

Это я понимала, но легче не становилось. Глаза щипало. И кажется, я вот-вот разревусь, точно разревусь. И потом будет стыдно.

Сейчас уже стыдно.

– В Тампеске есть еще театр, но, честно говоря, я смысла так и не понял. Дважды ходил на оперу. – Томас говорит тихо и гладит по волосам. Рука у него большая.

Теплая.

– Мне сказали, что культурный человек должен оперу любить. Я честно пытался. Но кажется, я недостаточно культурный. Там пели... только и делали, что пели, а я пытался слова разобрать.

– Не вышло?

Боль отступает. И страх с ней. Только теперь я точно знаю, что никуда-то он не денется, что будет со мной до конца жизни. А стало быть, нужно научиться справляться с ним.

И я научусь.

– Не-а. На балет так и не рискнул. Там вообще слов нет, одни образы. Помнишь, как мисс Уильямс все время требовала от нас отыскать образы... Я не находил. В кино все иначе.

Понятней. И попкорн взять можно. В театре же только буфет, а к нему еще попробуй пробейся. – Он замолчал.

И я отступила:

– Спасибо.

– Не за что. – Томас смотрел очень внимательно, и я поспешно отвернулась. Мне бы сейчас отправить его куда-нибудь, но вместо этого стоим, пялимся в темноту. Он не выдерживает первым.

– И все-таки... я не люблю Эшби, но готов признать, что у него тебе будет спокойней. Безопасней.

– То есть вы не думаете, что это он?

– Даже если это он, тебя он не тронет.

Чудесный ответ. И стоит ли расценивать его как признание, что именно Ника и подозревают? Впрочем, какое признание еще нужно? В городе и так уверены, что дело лишь в уликах. И, черт побери, они правы. Будь кто другой на месте Ника, его бы уже задержали.

Но Ник – Эшби.

А у Эшби много денег. И адвокатов, которые не позволят задерживать клиента без веских на то оснований.

– Нет. – Я покачала головой. – Хватит. Я там не могу... ваших много. И Зои... а... тот маг... вы его...

– Пока ничего. Наши пытались искать по крови, но сказали, что здесь фон нестабильный. Драконы. Айоха... ты когда-нибудь ездила к ним?

– Нет.

– Совсем?

– Частично, – огрызнулась я и руки спрятала в карманы. Во-первых, подмораживало, а во-вторых, эти коварные руки так и норовили дотянуться до Томаса. Осталось только под руку его взять – и пойдем сладкой парочкой.

Тили-тили-тесто...

Когда-то нам с Ником кричали вслед. Он игнорировал. Я оттаскала Зои за волосы. Кажется, именно с того дня и началась наша с ней вражда. Почему? Не потому ли, что она сама хотела стать его другом?

С ней ведь все дружить хотели. А Ник выбрал меня.

– Извини.

– Это ты извини. – Я сжала кулаки. – Я... иногда злая. Точнее, почти всегда злая. Мама говорит, что мне нужно больше работать над своим характером. Женщина должна быть мягкой и милой. Но нет, я никогда туда не ездила. Дерри вот навещался порой. Наши вообще частенько там бывают. Про всех не скажу, Оллгрим точно. И еще Гевин. Он приторговывает всякой мелочовкой. Возит в сувенирную лавку браслетики там, обереги и прочую ерунду. Обычное дело. Деккер. Он снимки делает для журналов. Хронику и еще что-то, точно не знаю. А я... чего мне там искать?

Ловцов, которые я научилась плести у Дерри? Он сказал, что плохие сны попадают в эти сети, а со снами у меня всегда были сложные отношения.

Травяные сборы? Или драконью чешую? Этого добра у меня и без айоха хватало.

Вдали показалась моя хижина. То ли дело в долгом моем отсутствии, то ли в неровном свете луны, но казалась она скособоченной, уродливой, как может быть уродливо только творение рук человеческих.

И Томас заметил. Поморщился:

– Может, лучше к матери?

– Мы друг друга через час удавим. В ее доме слишком много порядка. И слишком мало свободы.

– И все-таки...

– Если бы меня хотели убить, убили бы. Я не настолько наивна, чтобы полагать, что сумею защитить себя.

Пожалуй, до Билли я в это верила. Но он быстро показал, кто я на самом деле.

– А здесь... здесь мой дом. Каким бы он ни был.

– Пригласишь?

– А ты хочешь?

– Да. – Томас склонил голову. – Я могу помочь...

И помощь пригодилась. Не знаю, что они здесь искали, но могли бы поаккуратней. Песок и следы чужих ног. Чужих рук. Черная пыль на стенах, которая не стирается, а только размазывается. Пустой стол. Восковые отметки на полу. И мелом выведенные символы. И вновь же следы, на сей раз меловые.

Открытые шкафы. Груды вещей.

– Если хочешь, помогу составить жалобу. – Томас выглядел растерянным и, кажется, немного виноватым.

– А смысл? – Я не настолько наивна, чтобы верить, будто жалоба на что-то повлияет.

– Никакого, – вынужден был признать Томас.

– Тогда лучше тряпку возьми. Я пока...

Я подхватила грудку рубашек и затолкала их в шкаф. Туда же отправились свитера. Вот и прошлогодний, с листочками, подаренный Ником на Рождество. А я его искала... этот, розовый, купленный матушкой в очередной попытке разбудить мое чувство прекрасного, я совсем не искала, но вытащила из груды.

Приложила к себе.

Свитер был неплохим, толстым и мягким. Длинным. Свободным. Как я люблю. Если бы не этот цвет...

– Тебе идет.

– Что? А... нет, я такое не ношу. – Я поспешно затолкала его на полку. – Это мама...

– Зря. Тебе действительно идет.

Как дракону седло.

Но щеки вспыхивают. И... Дерри как-то было плевать, что на мне, главное, чтобы сверху куртку накинула со спецпропиткой. Ник... тот был слишком вежлив, чтобы комментировать мои манеры, в том числе манеру одеваться. Билли же раздражало все.

Брюки – слишком вызывающе.

Платья – не для меня, они для приличных женщин. И розовые свитера туда же.

– Опять? – тихо спросил Томас.

Я кивнула.

Опять. И снова. И... и в шкафу на полках та же черная дрянь, которая немедленно цепляется за одежду.

– Что это вообще такое? – Я провожу по грязи пальцем, а палец подношу к носу.

– Ньелльский порошок. – Томас свитер поднял и, сложив, пристроил на кресле. – У него высокая степень сродства к магической энергии, а еще память и способность к накоплению. С ним хорошо делать слепки сил. Правда, здесь не получились. Тряпки где? Лучше вытереть, потому что отстирать его сложно.

– Там...

Томас подтолкнул меня к дивану:

– Садись. И рассказывай.

А сам куртку снял и бросил на спинку кресла. Закатал рукава рубашки. Он что, серьезно? Из вороха тряпок Томас выбрал одну, побольше.

– О чем?

– Обо всем, что в голову идет... смотри, смахнуть его лучше всего сухой тряпкой, мокрой он лишь размазывается. А ты рассказывай.

Я подтянула ноги к груди. Дерри дал бы оплеуху за то, что не разулась. Или понял бы? Мама... странно, как это она не добралась сюда раньше. И надо бы в подвал заглянуть, не сомневаюсь, что там тоже полный хаос и россыпи треклятого порошка.

И другого. Который не нашли. Или нашли? Нашли и не спросили? Сомнительно.

– Да я как-то и не знаю... здесь и вправду все... как Дерри оставил. Иногда мне хочется уехать. Просто бросить все, купить билет и свалить неважно куда.

Томас с тряпкой смотрелся вполне себе гармонично.

– Но потом понимаю, что нигде-то я особо не нужна.

– Почему?

– Потому. Вот на что я жить буду? Где-то там, на краю мира? – Я все же ноги спустила и, наклонившись, потеряла белый след. Понюхала пальцы. Так и есть, мел, и не обычный, который все же отмоется, пусть и не сразу, а смешанный с воском.

Полы придется скоблить. С детства ненавижу скоблить полы.

– Официанткой устроиться? Кто меня возьмет? Официантки должны быть симпатичными. И улыбаться. Даже когда хочется поднос на голову уроду опрокинуть, все равно улыбаться. Я так не смогу. А если кто-то по заднице шлепнет, руку ему сломаю. Или хотя бы попытаюсь. В уборщицы? Ненавижу уборку.

– Заметил.

Я пожалала плечами: я хотя бы честно об этом говорю. В мамином идеальном мире женщины уборку обожают и испытывают невероятное удовольствие от мытья посуды.

– Да и платят за такое копейки. В остальном... образования у меня – девять классов. И то я свидетельство не получила.

– Это почему? – Томас аккуратно стряхивал пыль с тряпки над мусорным ведром.

– А не положено. Я ведь документов не имела, как оказалось... айоха они не нужны. А моему папаше было лень возиться. Вот и... мне регистрацию уже Дерри выправил. Но из школы я ушла, когда к нему попала. Времени у него оставалось мало. Он так думал. И спешил. А тут получалось, что или школа, или драконы. Драконы, честно говоря, мне нравились больше. Уже потом, когда стало понятно, что он еще чуть поживет, Дерри заговорил про университет. И мисс Уильямс справку бы дала. А может, не только бы справку, может, она бы и подготовиться помогла бы, но... как мне было его оставить? Да и деньги...

– Эшби?

Сложный вопрос.

Я знаю, что брату Ник помогал. И наверное, если бы я попросила, он бы и мне помог. Но я не просила. Я жила так, как привыкла.

– Зачем мне университет?

– Ты же любишь читать.

– Люблю. И читаю. И университет для этого не нужен.

– А работа?

– Драконам тоже на мое образование плевать. – Я все же поднялась и вытащила вторую тряпку. – Им главное – просто чтобы я была. И появлялась. Знаешь, они привязываются к людям. Когда-то давно, когда не было егерей и вообще эти земли принадлежали айоха, драконы были сами по себе.

Я собирала пыль аккуратно.

Если уж делать дело, то так, чтобы не пришлось переделывать.

А вот мусор, к слову, забрали. И похоже, что вместе с мусорным ведром, которое мне по наследству досталось. Хорошее ведро было. Интересно, если попросить, вернут? Или объявят особо важной уликой, без которой дело развалится?

– Мне мама сказала, что у айоха есть песни про те времена. И про женщин, которые становились невестами драконов. Они уходили в горы, чтобы провести там месяц, а когда возвращались, то самые сильные мужчины племени брали их в жены.

Честно говоря, дрянная легенда была. Нехорошая.

– Женщины рожали сыновей с драконьей кровью. Правда, сами уходили. Точнее, как мама сказала, если кому и посчастливилось пережить роды, их относили обратно к драконам.

Зачем я вообще это рассказываю? Убирается легче.

Жесткая щетка скоблит дерево. Сколько лет прошло, а руки дело не забыли. Я сдула прядь волос, которая прилипла ко лбу.

– Их дети становились шаманами. Говорят, они могли приказывать драконам. Некоторые даже поднимались в небо...

– А ты?

– И я поднималась, – пожала я плечами.

– И как?

– Да... дурость – она дурость и есть. Во-первых, там холодно. Во-вторых, мокро. В-третьих, дракон – не лошадь, уздечку не нацепишь... Гранит меня высоко поднял. А потом сложил крылья – и вниз, к морю... Ты хоть представляешь, каково это, когда море летит навстречу и ты не знаешь, нырнет дракон или нет? А если нырнет, то как надолго? И может, не так уж и важно, надолго ли, если тебя все равно размажет ударом о воду?

Гранит не нырнул.

И к пещерам вернулся часа через два, когда я уже начала подумывать, что если отцепить ремни, которыми я кое-как привязала себя к его зашивку, и просто рухнуть вниз, то смерть всяко будет быстрой. Быстрее, чем замерзнуть в поднебесье, согреваясь лишь редкими выдохами пламени.

– Ты серьезно?!

А он удивлен.

Или нет, скорее поражен. И тряпку выронил, она плюхнулась на пол, растеклась грязной медузой. Впрочем, Томас подхватил ее и отжал.

– Серьезно. Мне шестнадцать было. И я полагала себя очень... гм, умной.

Я почесала за ухом.

– Дерри, когда узнал... в общем, он умел красиво выражаться.

Томас кивнул.

– У тебя нос грязный, – сказал он, уставившись на этот самый нос.

– У тебя не чище.

– Думаю. – Он провел ладонью по щеке, оставляя темные полосы порошка. – Знаешь, если я кому скажу, то вряд ли поверят.

– Знаешь, – я села на не очень чистый пол, который некогда был светлым. Теперь, отскоблив верхний слой, я видела это дерево. – Даже если я это скажу, мне тоже не поверят. Дерри... он запретил говорить кому бы то ни было... сказал, что слишком опасно, что многие захотят изучить мой дар. И вряд ли станут спрашивать мое мнение.

И я ему поверила.

Я молчала. Гранит же всегда был необщителен. И про тот наш полет не знал даже Старик. Не знаю, с чего это вдруг я разоткровенничалась. Страх потеряла? Или Дерри слишком уж переоценивал мой талант?

В любом случае тему стоило сменить. И, взявшись за скребок, я вернулась к полу.

– Потом появились белые люди. Сперва их было немного, но они принесли с собой железные ружья, лошадей и болезни. Мама сказала, что белые люди никогда не признают свою вину, сколько бы лет ни прошло, но айоха помнят, что некогда были могучим племенем. А еще

киары, мепайо и уйнеско. Великий союз, который мог собрать огромную армию, распался, столкнувшись с коварством белых людей.

Шорк-шорк. Скребок снимает темную стружку с дерева, которое больше деревом не пахнет. И я вытираю пот со лба. Я вспоминаю эту историю.

Ее бы следовало рассказать на языке айоха, но вот беда, я не знала этого языка. Я лишь помнила гортанную песню, которую пела матушка, но после она спохватывалась и переходила на английский. Женщина, которую взял в дом белый человек, должна соответствовать ему.

– Белые люди опутали землю паутиной железных дорог. Они пришли и остались. Они подкупили мепайо, и те обратили оружие против союзников. Они подарили уйнеско заразу, от которой тело покрывалось красной сыпью, а глаза переставали видеть, и тех не стало. Они сокрушили воинственных киаров, у которых воинов было столько же, сколько бизонов в Великих степях... и бизонов сокрушили тоже. Они пришли к айоха, чтобы и их загнать в резервации...

Томас забрал у меня скребок.

И работал он молча, сосредоточенно. А я говорила. Страшную некрасивую сказку, в которой нет ни принцев, ни принцесс, ни благородных рыцарей.

– Они пришли сюда. И оказалось, что айоха спрятались за драконьими крылами, в горах, где было слишком сложно воевать, да и чего ради? Но белые люди привыкли доводить дело до конца. И они уничтожили бизонов, прогнали китов и косаток, оставив драконов без еды. Они думали, что те обратят внимание на айоха, но у айоха были Хозяева, и драконы решили, что белое мясо ничуть не хуже красного.

Я взялась за ведро, воду в нем следовало бы поменять. А еще подумала, что этак мы до утра с уборкой провозимся.

– погоди. – Томас перехватил мою руку. – Не таскай тяжести. Я сам.

Сам. Ну да, самому проще...

– Значит, драконы принялись за переселенцев?

– Вроде того... люди стреляли драконов. Драконы... они ведь знают, что добыча, а что нет. Поэтому коров здесь никто не пытается завести. Овечек вот пробовали, но они слишком нервные, пусть бы их никто и не драл. А вот коров так и вовсе за добычу считают. Мы же... мы и нужны не столько, чтобы кормить их, а чтобы приучать к себе.

Томас молча поднял меня и усадил в кресло, аккуратно на розовый свитер.

– Да я и сама могу.

– Можешь, – не стал спорить он, отжимая тряпку. – Но наши тут... набедокурили, мне и убирать. А ты уже потом... я вообще пару лет часть дома снимал. Не сам. Четверо мы скидывались, так оно проще. И дешевле. И вообще...

Пол он скоблил весьма ловко, сметая грязь во второе ведро. Кажется, в нем Дерри некогда держал песок.

– Если дракон с детства привыкает к людям, он не станет на них охотиться. Поэтому дикие и опасны. Дикие знают, что все, что меньше их, – это добыча... а дракона и из нынешнего ружья не так просто застрелить. К счастью.

– Найдутся охотники?

– Всегда найдутся. Время от времени приходится воспитывать идиотов, которые решили, что им закон не писан, а штраф не так уж и велик. Или просто захотят показать, какие они крутые. С драконами так нельзя. Драконы... они ведь и убить могут. А потом будут расстраиваться.

Глава 6

Милдред лежала поперек кровати. На животе. Положив голову на руки. Она наблюдала за человеком, которого пора было бы выставить из жизни, пока она не слишком привыкла к его присутствию.

Лука делал вид, что не замечает взгляда.

Он двигался плавно, текуче, что было удивительно для огромной нескладной его фигуры. И, остановившись в углу, он замирал, чтобы в следующий миг сделать шаг назад.

Обернуться. Вздохнуть.

– Что не так? – спросила Милдред.

Ночью говорить было как-то проще. И пусть она понимала, что эта простота существует исключительно в ее голове, но...

– Все не так. – Он поскреб щетину, которая пробивалась и на щеках, и на макушке. – Все с самого начала не так. Смотри. Сколько в этом городке народу? Пять тысяч человек. Это ж вообще...

От него и пахло зверем. Немного.

– Пять тысяч – не так и мало. – Она потянулась.

Было хорошо. И неправильно.

То есть где-то в глубине души шевельнулась совесть, упрекнула: Майкл пропал, девочки погибли, а трупов, если Милдред правильно поняла, скоро станет больше. Ей бы переживать, а не наслаждаться этой украденной минутой покоя.

– Все у всех на виду. И вроде каждый про соседа что-то да знает. Только нам с этого знания... Мэр потребовал, чтобы я задержал Эшби. Я бы и задержал, но на каком основании? Пожар? Не смешно. Это его имущество. Он может и дом сжечь, коли желание возникнет. Да и...

Лука махнул рукой.

– Ненормальная мамаша, которая утверждает, что ела человечину? И убеждена, что ее сын – порождение зла? Рожа симпатичная? Это все не то... Весь дом перерыли.

Милдред кивнула.

– Я просил их не лезть, потому что Чучельник не идиот, чтобы держать Майкла в доме. И вообще... вот скажи, как можно похитить мага?

– Понятия не имею.

– И я не имею.

Лука сел на кровать, и Милдред провела ладонью по его темной спине.

– Успокаиваешь?

– И утешаю.

Она потерлась щекой о его плечо.

– С Эшби не все так просто. С Лукрецией. Она не идет у меня из головы. И не столько ее рассказ, сколько она сама. Знаешь, я ведь видела похожее. Слышал про Проклятую падь? – Милдред закуталась в покрывало. По ночам становилось прохладно.

– Это та, где семейка ненормальных держала гостиницу?

Они не выглядели ненормальными. Нет, на первый взгляд и Миклош Подольски, и супруга его, пухленькая улыбчивая блондинка, казались людьми весьма милыми.

Трое детей. Старшему двадцать один. Близнецам по шестнадцать.

– Они и вправду...

– Убивали? Да.

– Нет, про это я знаю.

Под лопаткой у Луки шрам в виде белой звезды, которую хочется накрыть ладонью. И Милдред накрывает, пытаясь угадать, когда и где был получен этот шрам. В деле наверняка есть. Но она не станет заглядывать в его дело. Это как-то... неправильно.

– И ели. Да. Не всех, иначе хватились бы раньше. Время от времени, когда появлялся кто-то, кого они считали достойным своего, гм, стола. Юноша или девушка, не старше двадцати пяти, без вредных привычек, которые портят вкус. Так он мне сказал.

Лука обернулся. И во взгляде его Милдред прочла вопрос.

– Я пытаюсь понять, как они думают. Это важно. Сколько лет подряд Чучельник убивал, оставаясь незамеченным? А Подольски? О них ведь узнали практически случайно, когда они ошиблись, неправильно рассчитав дозу снотворного. И есть ведь другие. И эти другие убивают, пусть не каждый день, но все равно убивают. И пока мы будем отрицать необходимость исследования подобных людей, они продолжают скрываться среди обычных. И убивать продолжают.

– Когда ты злишься, у тебя глаза темнеют.

– Я не злюсь.

– Ага.

– И вообще... – Милдред дернула плечом. – Дело не в этом. Не в Подольски даже... то есть и в них тоже. Когда я говорила с ними, то обратила внимание, что дети ведут себя иначе. Им диагностировали шизофрению, но это была не она. У шизофрении есть довольно четкая симптоматика, и кое-что выбивалось из общей картины. Да и ситуация, когда все дети в одной семье заболевают шизофренией, при том что ни родители их, ни предки до пятого колена не имели в анамнезе признаков сумасшествия, необычна.

– То есть есть человечину нормально?

– То есть Миклош отдавал себе отчет в своих действиях. Более того, он сказал, что лично ничего против убитых не имел, просто привык к подобному мясу. Он эмигрант. Старый Свет. И в детстве ему случилось пережить голод. Его сестры умерли, и мать... использовала их тела, чтобы спасти оставшихся детей.

Лука молчит. И не спешит говорить, что это отвратительно.

– Миклош запомнил вкус. Дело было в сильнейшем потрясении, которое он испытал. В страхе смерти. В спасении. И эти эмоции его изменили. А вот с его детьми все иначе. Справедливости ради, внимание на этот случай обратила не только я. Доктор Харвеус отметил некоторые физиологические изменения, которые позволили говорить о некой инфекции, предположительно связанной с употреблением в пищу человеческого мяса. Подобные же симптомы появились и у Миклоша. И у его супруги, тогда как работники, служившие на ферме и питавшиеся за одним столом с хозяевами, за исключением особого меню, были здоровы.

– То есть...

– Я написала доктору. К сожалению, вычленив возбудителя не удалось. Но полагаю, он не откажется взглянуть на миссис Эшби. И если моя теория подтвердится...

– То ее и вправду кормили человеческим мясом?

– Или драконьей кровью. Мы мало знаем о болезнях драконов, – она позволила обнять себя и даже закрыла глаза, представляя, что нет ни этого полупустого стандартного номера мотеля, ни Чучельника, который благоразумно затих, ни прочих безумцев.

Только она. И мужчина. Женщина и мужчина – что может быть более естественным?

– Есть еще кое-что... я заглянула в местный архив.

Благо местечковые приходские книги с тридцатых дублировались во избежание утери.

– Так вот, мать Станислава Эшби умерла в возрасте пятидесяти семи лет. Последние тридцать лет своей жизни она провела прикованной к постели. Инсульт после родов. Его бабка сошла с ума. Как и та, которая была женой его прадеда. Собственно, он и основал клинику, не доверяя тем, что существовали в то время. И правильно, кстати...

А целовать вот не стоило. Шею. И между лопатками.

Как можно думать о деле, если тебя целуют между лопатками?

Уборка затянулась далеко за полночь, и после нее выставлять Томаса из дома было как-то... неудобно, что ли.

– У меня кровать отвратная, – сказал он, вытягиваясь на старой тахте, которая была коротковата и комковата. – И тараканы. С кроватью я бы еще примирился, а тараканов терпеть не могу. Иди ложись. Приставать не буду.

Не хватало еще...

Я принесла ему одеяло. И подушку. Дерри в последние годы спал на полу, говорил, что ему так лучше, а я верила. И помогала утром подняться, и слушала, как он ворчит, клянет все на свете, пытаюсь разогнуться. И как ходит на полусогнутых ногах, а половицы поскрипывают.

Но пол все одно был лучше тахты.

– Спасибо.

– И тебе.

Я знала, что не в тараканах дело. И не в кровати. Вряд ли она так уж хуже моей тахты. Дело во мне, в этом доме и двери, замок на которой и вправду пальцем открыть можно. Завтра надо будет засов прикупить, но и с ним мне спокойней не станет.

Старый дом оживал. Он вздыхал и кряхтел. Скрипел на все голоса. Постанывал совсем по-человечески. И в этом слышалось что-то... неправильное.

Будто кто-то ходит вокруг, заглядывает в окна, подсматривает за мной. И я нервно задернула шторы, порадовавшись, что они есть. За шторами не видно. Особенно если свет выключить.

А в полной темноте плодятся тени.

Ты и вправду не боишься, Уна? Ты была такой смелой, не хотела уходить. А теперь сидишь на полу, закутавшись в старое одеяло, и трясешься. Смешно. И горько.

Неужели полагаешь, что тебя защитят? Томас спит. И не услышит, если приоткроется задняя дверь. Она хлипкая, и ты сама, забыв ключи, не раз пользовалась ножом. Достаточно просунуть между створкой и косяком и чуть надавить, вытаскивая крючок из петли. Отпустить.

Сердце бухало громко, перекрывая все другие звуки. Никого здесь нет. Никого.

– Уна? – Тихий голос Томаса заставил меня сжаться в клубок. А нож едва не пропорол ногу, мою, собственную. Хороша я, храбрая. – Не спится?

– А тебе?

– И мне. Ощущение такое, будто на тебя смотрят.

– А если и вправду смотрят?

– Думаешь? – Томас опустил рядом. Главное, что собственное одеяло прихватил. И подушку тоже. Появилось искушение предложить ему половину кровати, но я устояла.

Он прижал палец к губам. И я замолчала.

Что он пытается услышать? Как сухо потрескивает крыша, напоминая, что до зимних бурь всего пару месяцев осталось, а я и пальцем не пошевелила? Или как ворчит вода в трубах? Их тоже стоило бы почистить, а еще фильтры поменять.

– Закрывай глаза, – сказал Томас. – Если кто и смотрит, то и пускай. Я посторожу твой сон.

И я, чтоб его, подчинилась.

Я заснула не сразу. Сидела. Слушала. Прислушивалась, хотя разумом понимала, что хороший охотник умеет ступать бесшумно, а тот, кто заглянул ко мне в гости, наверняка хороший охотник.

– Знаешь, я бы хотел изменить прошлое, чтобы было все иначе, чтобы я не задевал Эшби и тебя тоже. Чтобы мы дружили. И тогда, быть может, я бы принес тебе красную розу из сада Эшби. Я бы даже красть не стал. Попросил бы...

– Те розы нельзя красть, – пробормотала я сквозь сон. – Те розы... нельзя было... их привезла еще жена Гордона Эшби...

Я бы рассказала про нее. Про женщину с узким бледным лицом, настолько некрасивую, что даже парадный портрет не способен был этого исправить.

Портрет отправился на чердак. А статуя при всем несомненном сходстве была вполне симпатична.

Я бы рассказала про старого Эшби, который любил вспоминать то прошлое. Он говорил о нем живо, так, будто сам был свидетелем. И за розами он сам ухаживал. Удобрял. Подкармливал. Иногда обрезал, но другим, даже Нику, нельзя было прикасаться к этому кусту.

Я рассказала бы обо всем. Но не успела: рухнула в сон, где небо заслонили драконьи крыла, а море гремело от их воинственного крика. И звери сходились друг с другом в бою, доказывая силу и право.

Право и...

Сон стал непроглядным, а я все пыталась вспомнить, почему так важно доказать свое право... и право на что?

Очнулась я утром. На кровати.

Укрытая парой одеял, а потому взопревшая и запутавшаяся в этих одеялах. Я даже не сразу сообразила, где нахожусь. Но потом увидела окно и свет, который пробивался сквозь сомкнутые шторы.

Зевнула. Выползла из-под одеял. И отправилась искать Томаса. Судя по тому, что в доме пахло едой, он решил в мотель не возвращаться.

Обнаружился Томас на веранде. Он занял кресло Дерри и халат его прибрал же, и шляпу, которая, как ни странно, вполне себе гармонично смотрелась.

– Доброе утро! – Шляпу он приподнял. – Как спалось?

– Спасибо. Нормально. – Я с трудом подавила зевок. А потом все же не удержалась и зевнула.

– Я рад.

Кресло-качалка протяжно застонало. А Томас указал на пустыню:

– Здесь утром красиво. И я драконов видел.

– Ага. Вылетают на рассвете. Кружат. – Я потеряла глаза. – Если хочешь, еще свожу.

– Хочу, – кивнул он. – Кофе будешь? Я еще яичницу пожарил.

– Буду. И кофе. И яичницу.

Вяло подумалось, что матушка пришла бы в ужас. Чтобы мужчина – и готовил? Невозможно такое. Впрочем, кофе оказался именно таким, как я люблю, горьким и крепким. Яичница слегка остыла, но менее вкусной не стала.

Мы ели и молчали. Смотрели на пустыню. И ветер вновь рисовал песками. Похоже, день сегодня будет пыльный, ишь, разыгрался.

– Сводишь меня на Дальние камни? – Томас все-таки умудрился раскататься. Сидел, прижимал к груди огромную кружку – и как только раскопал ее в завалах посуды? – и раскачивался.

Как Дерри.

– Зачем?

– Хочу посмотреть. Вдруг что вспомню.

– А мозги через уши не вытекут? – Он не был похож на Дерри. Быть может, потом станет, лет этак через пятьдесят или шестьдесят, а может, и через сто. Хотя магической крови в Дерри не было. А возраст я никогда не спрашивала.

Не интересовало.

И даже потом, когда поставила на кладбище крест, а на крест повесила табличку, цифры остались цифрами. Они не имели отношения ни к Дерри, ни к темным рукам его, покрытым сетью морщин и трещин. Ни к побелевшим волосам, которые он собирал в хвост.

– Беруши возьму, – подумав, сказал Томас. – С берушами не вытекут.

Шутит, значит.

Отказаться? Но тогда сам полезет. И долезет. И мало ли что там приключится? И почему мне не все равно?

– Возьми. – Я допила кофе. – Ты дурак. Тебе сказали, что ждать нужно.

– Не могу, – Томас покачал головой. – У меня такое чувство, что я знаю что-то и вправду важное, только забыл. И если вспомню, то все пойму. А вспомнить не получается. Это как заноза. Я однажды поймал. Думал, ерунда, сама вылезет, а она загноилась. И пришлось потом резать. Сначала мамка лечить пыталась. Глиной замазывала. И мочой. Но стало только хуже.

Он поскреб босую ногу, длинную и нескладную, с тонким уродливым шрамом, похожим на прилипшего к коже белого червя.

– Тогда и позвали мистера Эшби. А он резал. И прикладывал мазь. И мать ругал. Знаешь, он назвал ее тупой курицей. Я почему-то отчетливо помню. Причем без крика. Он никогда не кричал. Но мать сразу разрыдалась.

Тупой курицей?

Нет, матушка Томаса и вправду небольшого ума была. Помню ее, нервозную, скандальную, охочую до сплетен и притом демонстративно-набожную. Она ходила в церковь, чтобы после мессы с жаром обсудить чужие наряды. Мужей. Детей. И все, что придется.

Но дело не в ней. Он, наверное, был очень зол, если позволил себе выразиться подобным образом.

– Тебе переодеться надо бы. – Вспоминать не хотелось. И я встала. Солнце постепенно поднималось выше, скоро вовсю разгорится, наполняя осенний день жаром. – От Дерри кое-что осталось. Вы почти одного роста... если не побрезгуешь.

Томас кивнул.

Рост один, а вот в плечах он пошире будет. И рубашку застегнул, но как-то так, что было ясно – одно неосторожное движение, и старая ткань затрещит. А вот пояс на штанах пришлось затянуть.

– Хочешь, в мотель зайдём? – Я протянула старую кожанку, еще крепкую и сохранившую запах Дерри. В последний месяц он много курил.

Травку.

Я не мешала. Травка избавляла его от боли куда более эффективно, чем все те препараты, которые ему выписывали. Правда, ими Дерри тоже не брезговал.

– Нет. – Томас рубашку снял и натянул свою. – Я не хочу, чтобы меня остановили.

– Тогда с тебя расписка.

– Какая?

– Что ты сам дурак, без постороннего вмешательства.

А куртка села как влитая. Томас принюхался. Это да, запах был специфическим.

– В последние месяцы ему... только это и помогало.

Кивнул. Понял? Хотелось бы надеяться. Я не умею оправдываться. Да и случай не тот.

– Ботинки тоже примерь, а то у тебя дерьмовые...

Подчинился молча. А мне подумалось, что Дерри он бы понравился.

У дверей лежала роза. Темная, почти черная, на длинном стебле, усыпанном острыми шипами. Она слегка увяла, ибо солнце поднялось довольно высоко. И песок к листьям прилип.

– Твою мать, – сказал Томас. А я кивнула. И мою, и его, и вообще... жизнь – дерьмо. Но с приключениями.

Глава 7

Возвращались в Тампеску на машине.

Вертолет им предлагали, но Лука отказался. Он полночи сидел над картами, пытаясь понять, как, мать его, получается, что засранец этот влез если не всюду, то почти?

Он расчертил побережье, разделив на куски.

Он провел нити старых дорог. И решил отправиться по одной из них. А Милдред просто бросила сумку в запыленный «понтак».

– Тебе лучше воздухом.

– Ненавижу летать. – Она забралась на сиденье рядом с водительским. И очками отрезала себя от мира. Черные, зеркальные, они закрывали половину лица. И Милдред казалась чужой.

Впрочем, ей шла эта короткая рубашка мужского кроя. И джинсы.

И местные глазели на нее, благо дальше взглядов дело не заходило, иначе Луке пришлось бы сложнее. Нехорошо бить местных.

– Уверена?

– Мне нужно. – Она все же опустила очки. – Я хочу посмотреть на пустыню. И... может, вспомню что-то? Я не буду мешать.

– На. – Лука сунул ей револьвер с коротким дулом. – Спрячь.

Возражать она не стала.

Старая дорога откололась от шоссе сразу за городом. Вот мелькнули серые груды многоэтажек, вот остались позади грязные домишки, что подбирались вплотную к пустыне. Исчезла редкая зелень. Асфальт стал темнее. Запахло им, раскаленным, пусть и осень на дворе. Но у пустыни свой взгляд на время.

Она присматривалась к людям. Она хранила тайны и решала, стоит ли поделиться ими. Она держалась за границу столбов, притворяясь, будто и они, и тонкие жгуты проводов на их плечах по-настоящему серьезная преграда.

Развилка.

Предупреждающий знак. И бутылка воды в руке Милдред. Как поняла, что он пить хочет? Ведьма... и вправду ведьма... повязала платок на светлые волосы, и хвосты его спускаются до самых плеч. Щекочут, наверное.

– Спасибо.

Старая дорога неровная. И скорость пришлось сбросить. Как-то вдруг линия электропередач осталась слева, столбы сперва уменьшились, а после, когда дорога нырнула вниз, и вовсе исчезли.

Песок. Красный. И темно-красный. Алый, нарядный, будто кровь, которую расплескали щедро. Кое-где из песка затонувшими кораблями поднимались скалы. Солнце било в глаза.

А ям становилось все больше и больше. Да здесь просто так не пробраться. Но странно. Старое шоссе короче раза этак в два, если не в три. Новое прокладывали по дуге, которая огибала и Долькрик, соединяясь с ним тонкой перемышкой проселочной дороги. А это шоссе шло напрямик, будто специально проложенное...

– Остановись, – попросила Милдред.

И Лука остановился.

Она выбралась, не дожидаясь, когда он подаст руку. Огляделась, хмурясь...

– Там. – Милдред указала куда-то в сторону красной скалы, похожей на драконью голову. – Я ее помню! Я помню ее... и...

Она пошла, ускоряя шаг, а потом и вовсе побежала, забыв обо всем. Песок же поглощал следы. А Лука достал револьвер. С ним он чувствовал себя спокойней.

– Здесь. – Она забралась на огромный валун, на вершине которого и стояла, раскинув руки, пытаясь сохранить равновесие. – Точнее там, видишь?

– Что?

Лука видел лишь песок. И солнце.

Много песка и много солнца, от которого зачесалась макушка. Надо было тоже что-нибудь на голову повязать. Или шляпу купить, как у местных, чтобы были поля широкие. Правда, в шляпах он выглядит по-дурацки. Но и с обгоревшей рожей будет ничуть не лучше.

– Смотри. – Она вцепилась в протянутую руку. – Видишь? Там, далеко? Будто ниточка... это дорога, по которой мы ехали.

И вправду, если верить карте, пятьдесят третье шоссе подбиралось вплотную к этому, полузабытому.

– А потом он свернул. Здесь была проселочная дорога. Дэйви еще в городе спросил у кого-то, и ему сказали, что так будет быстрее. К драконам...

Милдред задрала голову, и Лука посмотрел.

Небо ясное. Солнце желтое. И драконов, к счастью, не наблюдается.

– Дальше, – сказала она с уверенностью. – Мы перевернулись дальше...

– Но в отчете говорится...

– Именно. – Милдред позволила снять себя с камня, который выглядел слишком уж ненадежным, чтобы позволить ей стоять на его вершине. – В отчете сказано, что машина перевернулась на трассе. Но я помню эту скалу, пусть и с другого ракурса... едем.

Это было похоже на приказ. И Лука подчинился. Не стоило возражать женщине, которая вдруг уверилась, что вот-вот раскроет тайну.

Может, и вправду.

Они остановились пару миль спустя. На той же разбитой дороге, почти занесенной песком. И Милдред долго ходила вокруг машины, что-то бормоча под нос, и явно не хвалебное. Она то замирала, то приседала, пыталась раскапывать песок, будто и вправду надеялась найти что-то под ним. Потом вскакивала, бежала к камням. Возвращалась.

И, устав, сказала:

– Поехали дальше. Здесь все равно пусто... но стоит поговорить с шерифом. Кстати, он меня узнал.

– Что? – Лука замер с бутылкой воды.

– Узнал. Я не говорила? В самый первый день, когда мы приехали. Это он нашел нас. И получается, что я ему жизнью обязана. Только как-то не получается у меня благодарной быть. – Она стянула платок, и светлые волосы вздыбились. – Но все равно странно... столько лет, а он меня узнал. Сказал, что навещал в больнице. Беспокоился. А я не помню. В больнице я была, мягко говоря, после аварии и обгоревшая. Но он все равно меня узнал.

Не потому ли, что видел до аварии?

– Держись у меня на виду. – Лука испытал преогромное желание запихать ее в машину и развернуться. В Тампеске ей будет безопасней. А лучше всего в Нью-Йорке или на Аляске. Если хорошо поискать, глядишь, и на Аляске найдется пара-тройка ненормальных, требующих пристального изучения.

– Не злись. – Она робко улыбнулась. – Я все понимаю. Но... я никуда не уйду.

– Женщина.

Прозвучало почти безнадежно.

До Долькрика добрались без приключений. Дорога вдруг стала лучше, песка на ней поубавилось, будто работали еще древние защитные артефакты. А может, и вправду работали, ведь иначе пустыня поглотила бы ее, как поглотила пару домов, от которых только и остались, что дырявые крыши, выглядывавшие из песчаного моря.

Один Лука даже осмотрел. Из любопытства.

И потому, что старый заброшенный дом – удачное место, чтобы спрятать кого-то. Или что-то. Но конкретно этот дом скрывал лишь полуразрушенные стены, ржавую кровать, прикрученную к полу, и погрызенный термитами шифоньер.

– Нет, – сказала Милдред, глядя, как Лука бродит по комнате. Пол скрипел, песок сыпался, норовя укрыть следы. – Здесь слишком грязно для него. Он аккуратист. А еще ненадежно. Ему нужно где-то хранить инструмент, держать пленных и женщин, пока идет игра. Выделявать кожу. Собирать скелет. Это требует много времени. А здесь любой может подойти, заглянуть. Нарушить уединение.

Следовало признать, что она была права.

Дорога окончательно выровнялась. Она обогнула старый дом, на крыльце которого удобно устроился Томас. Он сидел, накинув старый халат поверх майки, напялив широкополую ковбойскую шляпу, и жевал травинку.

Или не травинку.

– Интересно, – сказала Милдред, отвлекшись от собственных мыслей. – Очень интересно.

Парень оттолкнулся, и старое кресло-качалка едва-едва сдвинулось, будто протестуя против подобного обращения.

– Остановиться?

– Нет. Не нужно мешать. Эта девочка настроена против нас, но его она подпустила. Если влезем, все испортим.

Лука кивнул.

Парнишке он затрещину отвесит, но позже, чтобы знал, что не стоит смешивать личное и службу. Оно-то, может, сейчас и на пользу, хотя Лука весьма сомневался, что девчонка заговорит, а если и заговорит, то совсем не о том, что им нужно. Но ведь в жизни всякое бывает.

Сколько таких молодых да ретивых погорели, связавшись не с теми людьми? То-то и оно.

– Не одобряешь? – Милдред затянула косынку.

– Нет. Правила нарушает.

– Мы тоже.

– Нам можно.

– Почему? – Показалось, она улыбается.

– Потому что это мы... Глянь – дракон.

Зверюга парила, раскинув крылья, и даже с земли гляделась невероятно огромной. Она то поднималась выше, будто желая заслонить солнце, то опускалась. И тогда на темной чешуе ее вспыхивали искры.

Одна за другой. Одна...

– Красивый.

– Страшный. – Лука остановил машину и выбрался. – Он же здоровый, как... как...

– Как дракон? – Она все-таки улыбнулась.

– Как дракон. А еще огнем дышит.

– Дышит. – Милдред не сводила с дракона восторженного взгляда. И это было обидно. Лука ведь лучше, если разобраться, а ему и десятой доли восхищения не достается. – А ты ворчишь, как старик.

– Я и есть старик.

– Что-то не заметила.

Дракон сделал еще один круг, явно высматривая что-то внизу, затем издал протяжный, ноющий звук и поднялся выше.

– Любуетесь? – Шериф стоял на другой стороне улицы. – Это Гранит. Он вообще редко сюда выбирается, но скоро осень, вот и присматривает.

– Что присматривает?

Шляпа. Клетчатая рубашка. Винтовка. Слишком уж он похож на тот образ шерифа, который полюбился киношникам. И даже стоит, ноги раздвинув, руки на груди скрестив, точно к съемкам готовится.

– Подарок. Скоро месяц драконьих свадеб. Это красиво. Если задержитесь, то увидите. Драконий крик перекрыл голос человека.

– Это он заявляет о своей силе, вызов бросает.

– И что, примут?

– Кто? Гранит и Лютого мог бы подвинуть, если бы захотел. Но он одиночка по натуре, такой не будет со стаей возиться. Может, позже, как свой выводок на крыло встанет.

Шериф говорил об этом просто, как о вещи обыкновенной и в толковании не особо нуждающейся.

– А пока вон просто красуется. Как съездили?

– Спасибо, хорошо. – Милдред улыбнулась. Почти искренне. Надо же, Лука, похоже, научился различать оттенки ее улыбки. – А у вас тут?

– Тишь, да гладь, да божья благодать. – Шериф подхватил винтовку. Вот интересно, она у него после такого обращения стреляет? – Ваши землю роют, да попусту... Сад Эшби вон перекопали. Ник сказал, что на следующий год садовников наймет нормальных, пусть восстанавливают.

Он сплюнул под ноги, явно выражая отношение и к федералам, которые не желают понимать очевидного, и к проблеме в целом.

– К слову, – Милдред изобразила улыбку, – а мистер Эшби в городе?

– А где ж ему еще быть? – ненатурально удивился шериф. – Ваши запретили уезжать. Да и... он и не стал бы. В школе найдете. Только это... его тещенька в суд подала, так что смотрите, он не в настроении крепко. А когда Эшби не в настроении, лучше держаться от него подальше.

Роза была точь-в-точь как та, которую Томас сорвал.

Но откуда?

Не из прошлого точно. Томас не настолько верит в чудеса. Эшби? Но там он не видел ни цветочницы, ни розового куста, что странновато, ибо розы эти существовали столько же, сколько и сам особняк.

– Не трогай, – сказал он, но Уна не послушала.

Она наклонилась. Подняла цветок. Поднесла к носу и вдохнула тягучий сладкий аромат.

– Значит, не показалось, – задумчиво произнесла она, протянув розу Томасу. – Здесь и вправду гость ходил.

И стоит вызвать бригаду, но тогда придется объяснять, что Томас делал в этом доме. И куда собрался. Уходить запретят, а найти ничего не найдут.

– В воду поставить надо, – он слышал себя будто со стороны.

Нельзя нарушать правила.

Правила созданы именно для того, чтобы их соблюдали. Но море шелестело, дразнило, нашептывало, что оно не готово ждать слишком долго, что если уж Томасу захотелось вернуться в прошлое, то ни к чему откладывать.

– Надо. – Уна смотрела внимательно. – Знаешь, мне твоя затея не нравится.

– Мне тоже, но... – Томас коснулся листа, по краю которого появилась сухая полоса. – Я знаю, что должен. И может, ты найдешь кого... скажешь про... а я к камням?

– Бестолочь. – Уна забрала розу и исчезла в доме. А вернулась уже с пустыми руками. – Если вздумаешь помирать, выгаскивать не стану.

Томас не поверил.

Драконьи камни не изменились.

Та же узкая полоска между гранитной стеной и морем. Красный камень. Белый песок. Серая вода. Волны отползали, оставляя за собой след из водорослей и осколков раковин.

Старое кострище.

Удочки, которые Уна достала откуда-то из-под валуна. Точно. Там яма, похожая на нору. И Берг тоже хранил там снасти, прикрывая вход круглыми булыжниками. Не теми ли, белесыми в крапину, которые отодвинула Уна?

Кострище сырое.

Воздух горький. Море вот оно, ползет медленно, рассыпая клочья грязной пены. Замирает, так и не добравшись до камней, и отступает.

– Ну что? – поинтересовалась Уна, забираясь на валун.

– Ничего, – вынужден был признать Томас. – Совсем ничего...

Он пришел сюда с Бергом? Или следом за ним? Кто кого разбудил? И как они выбрались из дома? Хотя в этом как раз нет ничего сложного. Дикий виноград давно освоил стену, разросся, расплзся темным покрывалом. И старые ветви его были достаточно прочны, чтобы выдержать вес мальчишки.

– Может, к лучшему? – Уна распутывала леску.

– Не уверен.

– Расскажешь?

– А ты... не помнишь? – Рассказывать было страшно.

Стоять над кострищем по меньшей мере глупо. Да и вообще Томас, говоря по правде, чувствовал себя на редкость беспокойно.

Чужая одежда. Чужая обувь. И жизнь чужая. Его место не в этом захолустье... или в этом?

– Что именно?

– Как мой брат погиб.

Уна задумалась. Темная коса ее лежала на спине толстой змеей, которой хотелось коснуться. Развязать кожаный ремешок, расплести, пропустив сквозь пальцы пряди. Посмотреть, как изменится женщина, которая притворяется равнодушной.

– Не знаю. – Она прикусила губу. – Вот... я вроде взрослая была, но вспомнить... помню, как ты меня доставал. Помню, как злилась на тебя. И на матушку, которая все пыталась сделать меня копией Зои. И на Зою тоже – за то, что она есть, вся такая идеальная. На отца – ему было глубоко наплевать и на меня, и на матушку. На Вихо, что он веселый и со всеми притворяется. Он умел просто жить.

– На Эшби?

– Ник? Нет, на него невозможно было злиться. Даже когда он ее выбрал. Я... не буду лгать, что обрадовалась и сказала, будто желаю ему счастья...

Коса кажется слишком уж тугой.

– А что сказала?

Говорить надо о прошлом. Коснуться кострища. Закрывать глаза, вытащить из расколотой памяти то, что получится. И глядишь, тогда она смилостивится над Томасом.

– Сказала, что он идиот, а Зою – хитрозадая тварь. Что? Я считаю, что друзья должны говорить правду. А правда в том, что ей нужны были только деньги Эшби.

Обветренные скулы. И губы покрыты корочкой омертвевшей кожи. Ее руки пахнут морем. И хочется нюхать их. Трогать тонкие пальцы, пересчитывая россыпь ожогов и ссадин.

Хочется просто быть. Рядом.

– Но он не поверил? – Разговор не о том, но, если Томас заговорит с ней про руки и губы, Уна сбежит. Он знал это точно. Она пока не готова распустить свою косу.

– Нет, конечно. Она же милая. И красивая. Почему мужчины глупеют рядом с красивыми женщинами?

– Может, – Томас все-таки опустился на колени рядом с кострищем и сунул в него пальцы, – потому, что в противном случае они бы спасались бегством?

Уна хмыкнула. И улыбнулась. Улыбка ее меняла, лицо становилось будто мягче, а на щеках появлялись едва заметные ямочки.

– Твоя правда... – Она закинула удочку. – А про твоего брата... Боюсь, я была слишком занята собой. Я знаю, что мама разговаривала с Вихо, спрашивала его про что-то.

Она нахмурилась.

– Говорила, чтобы не ходил к усадьбе ночью... тебе бы с нею побеседовать.

Обязательно.

– Только вряд ли она скажет правду. – Уна уставилась на поплавок, с которым играло море. – Она отлично врет. Даже мне иногда хочется ей верить.

Томас зачерпнул песок, смешанный с пеплом, черный и вязкий. Он сжал его в кулаке, закрыл глаза... вот костер.

...Был костер. И ветер был. С моря дул, а потому у Берта далеко не сразу получилось разжечь огонь. Он то наклонялся, ворочал камни, пытаясь из них соорудить стену, которая бы защитила огонь, то отстранялся, повторяя под нос слова, которые повторять не стоило.

Встряхивал головой. Шипел.

И складывал гору из щепок и стружки, которую принес с собой. А Томас сидел. Да, вот на том камне, который облюбовала Уна, и сидел. Он хотел было сказать, что огонь не так уж и нужен, что ночь теплая и ветер тоже, так зачем мучиться? Но, поймав взгляд брата, промолчал.

А потом у Берта получилось. И огонь, зародившийся в клочках бумаги и сухого мха, добрался до щепок и стружки, вытянулся, пробуя на прочность тонкие ветки. Он сожрал их быстро, и Берт сунул в костер поленце. Затем и другое.

Дрова он принес заранее.

А может, они всегда были здесь, в укромном уголке меж камнями.

– Вот так лучше... – Голос брата донесся издалека. – Мелкий, слезай. Или ты оттуда рыбачить собираешься?

Томас сполз, но как-то неловко, по острому краю камня, который полоснул по рубашке и боку.

– Аккуратней. – Берт сплюнул под ноги. – А то мамка орать станет, если поцарапаешься. В кого ты такой неуклюжий? – Он теперь говорил почти как отец.

– Я нормальный.

Свои удочки Берт не дал. Но у Томаса тоже имелась парочка, пусть и не таких красивых, но он сам выбирал гибкую лозу на удилище, а леску снял с отцовской старой, которую отыскал на чердаке. Там же и поплавок нашелся, и крючки. Последние, правда, пришлось чистить от ржавчины, и пока чистил, все пальцы исколол. Но это ж мелочь.

Он не девчонка, чтобы на такое внимание обращать.

Томас и червей накопал. И теперь пытался насадить одного, особо толстого. А Берт наблюдал, этак снисходительно, всем видом своим показывая, что другого и не ждал. Что зря он вообще на уговоры поддался. Мелкому место не на Драконьих камнях.

– Крепче держи. – Он опять сплюнул.

У Берта выпала пара нижних зубов, и он очень гордился дырой, через которую было удобно сплевывать.

Томас попытался перехватить червя, но собственные руки стали вдруг непослушными.

– Дети... – Этот голос заставил вздрогнуть, и червь выскользнул из пальцев, плюхнулся на песок. – Детям ночью не спится?

Этот голос был вкрадчивым и мягким. Но Берт подобрался.

– У меня револьвер есть! – сказал он в темноту.

– Надо же. – Мистер Эшби вступил в круг света, и страх моментально исчез. А Томас даже выругаться себе позволил. Мысленно. – Это весьма неосмотрительно со стороны ваших родителей.

– Чего вам надо?

Берт тоже выдохнул. Тогда, много лет тому, он казался Томасу воплощением невозможности, а выходит, что и ему бывало страшно.

– Ничего. Просто гуляю.

Сейчас мистер Эшби выглядел обыкновенно. Для себя, само собой. Черный костюм. Черный котелок. Белая рубашка. И запонки, которые поблескивали отраженным светом. Галстук.

А главное, что выглядит так, будто не по камням пробирался, а по дороге шел, а то и вовсе не шел, летел над этой дорогой. Одежда чистая, опрятная.

– Увидел свет. Решил посмотреть, кто занял мое любимое место.

– Оно не ваше. – Грубить Берт не рискнул, но и радости он явно не испытывал. – Оно общее.

– Общее, – спокойно согласился мистер Эшби. – И в то же время мое. Это особое место... когда-то, давным-давно, здесь человек впервые заглянул в глаза дракону.

– Ага...

Берт явно не был настроен на разговор. А Томас чувствовал себя виноватым, хотя определенно не понимал, в чем именно его вина.

– Человек хотел лишь, чтобы война между крылатым народом и людьми прекратилась, ведь людей много и драконов рано или поздно истребили бы. А с ними из мира ушла бы магия, как уходит сейчас. – Мистер Эшби смотрел в огонь. И отблески пламени делали его лицо другим. Более... острым, что ли? – У него получилось заключить перемирие, хотя и цену он заплатил немалую. Впрочем, вряд ли вам это интересно.

Он отряхнулся и сказал:

– Поверьте моему опыту, рыбалки сегодня не будет.

– Это почему?

– Скоро ветер усилится. И волны будут такими, что оставаться на берегу просто-напросто опасно. Идите домой.

Берт хотел было возразить и, будь это не мистер Эшби, возразил бы.

– Завтра будет спокойная ночь. – Эшби отвернулся от огня. – Но если вам нечем заняться этой ночью, приглашаю в гости... у меня найдется что показать. Верно, Томас?

И Томас кивнул. А Берт, сворачивая удочку, сказал:

– Мы лучше домой. Верно, Томас?

– Как скажете. – Мистер Эшби развернулся. – В мое время, правда, дети были куда более любопытными. Их не испугало бы небольшое ночное приключение.

– Я не боюсь.

А вот у Томаса руки дрожали.

– Нет, конечно. Я знаю, что ты храбр и благоразумен, но в то же время... смотри, какая луна.

Полная. Круглая. С легкой желтизной по краю. И луна эта отражается в водах, будто придавливает их своей тяжестью. А ветер крепчает. Он норовит поднять волну за волной и гонит их, спешит накрыть узкую полосу земли.

– В такие ночи возвращаются призраки.

– Призраков не бывает.

– Ты не прав, мальчик, – как-то печально произнес мистер Эшби. – У каждого со временем появляются собственные призраки, которые изрядно мешают жить. А в такие ночи леди Патриция возвращается, чтобы проверить свои розы. Когда-то она очень их любила.

Костер почти погас. И ветер спешил дотянуться до пепла, поднять его, рассыпать мелким крошевом.

– Ее видел не только я. Но если вы не верите, то вполне можете взглянуть. Мое приглашение все еще в силе...

Мистер Эшби ушел.

А Томас остался. И Берт тоже. Он стоял, сжимая удочки, глядя в темноту, не способный решить, что же ему делать: домой возвращаться или наведаться в старую усадьбу. Призраки... никто в школе не мог бы сказать, что видел призрака.

И если бы у Берта получилось, он бы... он прославился бы.

Да. Именно так...

Глава 8

Дураков не стоит спасать.

Так говорил Дерри, но все равно спасал. Со мной вот возился, хотя все вокруг говорили, что это он зря, что я – озлобленная и неблагодарная, что никогда-то не оценю того, что он для меня делает.

Правы были. Отчасти.

Тогда я и вправду была далека от понимания. И озлобленности хватало. И обиды. И затрещинами приходилось со мною разговаривать, потому что других слов я не понимала. И пробовала Дерри на прочность раз за разом, стремясь самой себе доказать, что нужна ему не больше, чем другим.

А он терпел. Спасал дуру.

И когда Томас вдруг бухнулся на колени, угодив ладонями в старое кострище, я отложила удочку. Прикинула, что если позову на помощь, может, кто и услышит, но вряд ли. До города – минут десять бегом. На себе я его не дотащу, даже если постараюсь.

А я постараюсь.

Я не оставлю его одного на этом берегу, где бродит безумец, подаривший мне чужую голову и розу, подозреваю, тоже не свою. Я не хочу, чтобы и Томас лишился головы. Или исчез, как тот маг, которого не нашли, хотя город наш федералы перетряхнули, как старуха старое покрывало.

Тараканов и тех на учет поставили.

– Эй... – Я сползла с камня.

Если бы он застонал. Закричал.

Вообще подал бы знак, что ему плохо, я бы... я бы придумала что-нибудь. Обязательно. Но он просто сидел, вперившись невидящим взглядом в кострище. И только губы вяло шевелились, будто Томас разговаривал с кем-то, кого я не видела.

– Дураков спасать не стоит, – повторила я, присаживаясь рядом.

Песок мокрый, и здесь он имеет отвратное обыкновение намертво прилипать к одежде. Потом не выстирать, не выполоскать, хоть ты десять раз воду меняй. А стирать я ненавижу.

– Эй... – Я взяла Томаса за руку и сжала. – Очнись, что ли?

Он не пошевелился.

А сердце его скачет, того и гляди захлебнется. И в глазах его появились красные нити сосудов. И ощущение, что еще немного – и нити эти лопнут. Ладно если только в глазах, но вдруг и те, которые в голове? И тогда он умрет.

– Очнись! – Я потрясла его за плечи.

Отвесила пощечину, от которой его голова только дернулась, а губа лопнула.

– Да очнись же...

Он медленно повернул голову ко мне. Из треснувшей губы бежала кровь. Томас слизнул ее, моргнул и, резко подавшись вперед, схватил меня.

Очнулся. Или... не до конца.

Сердце его все еще колотилось, а в левом глазу расплзалось алое пятно, будто туман поднимался. Губы растянулись в улыбке. А рука медленно коснулась моего лица. Шершавые пальцы поползли от подбородка, замерли на губах, обрисовав их контур. Тронули нос. Слегка царапнули щеку.

– Уна... – Он выдохнул мое имя.

А я... я наклонилась и впилась губами в его губы.

Это было, черт возьми, совершенно неправильно. И вообще, дураков не стоит спасать, особенно тех, кто дважды наступает на одни и те же грабли.

Его кровь, в отличие от драконьей, была горькой. И сладкой.

И капля ее, которую я слизала, растеклась по языку малиновым вареньем. Я же поняла, что просто не могу отступить. Не сейчас. Не здесь.

Я буду собирать эти капли. И ловить его дыхание. Я подстрою свое собственное, поделюсь теплом и жизнью, которой ему не хватает. Я положу руку на его грудь, не для того, чтобы оттолкнуть, а желая успокоить разбушевавшееся сердце. И скажу, что жду его.

Женщины ведь умеют ждать, верно? А он услышит. И поверит. Вернется, где бы он ни был, и тогда, возможно, я рискну повторить... Или нет?

Томас резко выдохнул. И снова сгреб меня. Прижал к себе. Он держал крепко и в то же время осторожно. Он смотрел на меня. Просто смотрел и улыбался.

Видел? Что именно видел?

– Так... – голос вдруг сел, – и будем стоять, да?

– Да, – ответил он, не собираясь разжимать руки. – Если отпущу, ты уйдешь. А я не хочу, чтобы ты уходила.

Куда уйду?

Я этого болезного здесь точно не брошу. До города доведу, найду целителя, знаю, что их тоже приехала пара человек, и пусть уже разбираются.

– Я тебе губу разбила, – призналась и коснулась этой губы, кровь из которой больше не шла. А Томас поймал мои пальцы губами. – Боялась, что не очнешься...

– Спасибо.

– За что?

– За все. – Он отстранился. И сел. Отряхнул руки. Осмотрел себя. Хмыкнул так, выразительно. Ну да, мы оба хороши – в песке и еще водоросль его ботинки обвила, точно море спешило предъявить свои права. – Знаешь... я почти уверен, что той ночью мы отправились в усадьбу Эшби. Он сам нас пригласил. Мы... ушли. А потом Берта нашли на берегу. И мать, оказывается, думала, что это я его убил. И отец...

Он замолчал, чтобы через пару минут добавить:

– И я сам. Я тоже так думал.

Мокрая прядь волос прилипла к моей щеке, и Томас убрал ее. А потом спрятал руку за спину. Застеснялся прикосновения. Или не хотел больше ко мне прикасаться? Тогда почему он глаз с меня не спускает. А я... я смотрю. И молчу.

И стоим, два дурака на берегу старого моря, которое на своем веку повидало многое. И теперь оно летит, гонит волну за волной, обдает нас ледяными брызгами, словно подгоняет.

– Ты...

– И возможно, что они правы. Я не думаю, что хотел кого-то убить, тем более Берта... я просто допускаю мысль, что...

Я наклонилась, желая одного: чтобы он наконец заткнулся. И поцеловала его снова.

Просто чтобы вспомнить вкус крови. Той, которая как малиновое варенье на языке.

Находиться рядом с Николасом Эшби было душно. Именно.

Милдред ухватилась за это ощущение тяжелого спертого воздуха, который обволакивает влажной пленкой, заставляя дышать чаще, глубже и все равно задыхаться.

– Прошу прощения. – Ник слегка склонил голову и глаза прикрыл. А пожилая леди, державшая его за руку, укоризненно поджала губы.

– Вы не вовремя, – сказала она.

– Бывает. – Лука разглядывал ее, такую невероятно хрупкую, но в то же время сильную, если она не просто выносила присутствие Эшби.

Она ему... сочувствовала? Определенно. У сочувствия запах ванили, той, которую мешают с молоком, нагревая, пока аромат не раскроется.

Эшби открыл глаза, потер их, устало махнул рукой.

– Надеюсь, вы с хорошими новостями.

– Смотря для кого.

Лука уставился на леди, но та спокойно выдержала взгляд и только погрозила худеньким пальцем. И Лука смутился.

Определенно.

– Говорите уже... – Ник опустил на стул.

Детский. Старый. Фанера покрылась трещинами, и их старательно закрашивали, каждый год другим цветом. Местами краска облезла, обнажая предыдущие слои, и стул казался радужным.

– Здесь?

– Почему бы и нет. И да, мисс Уильямс останется. Мне не хотелось бы потом пересказывать. Я устал говорить... в последние дни я только и делаю, что говорю. Представляете, мне запретили покидать город. А у меня пациенты.

– А у нас маг пропал, – тон в тон ответил Лука.

– Если я буду сидеть здесь, он найдется?

Это было произнесено без издевки. И все-таки... нет, не найдется, потому что мага нет в городе. Он где-то в горах, где живут драконы, где вьются контрабандистские тропы, по которым опасный груз идет на земли айоха, а потом обратно.

Там, в горах, наверняка сыщется уединенная пещера, а может, и не одна. Не слишком далеко. Маг тяжелый, да и остальные жертвы наверняка не так чтобы легки. Чучельник силен, но настолько ли, чтобы пару миль тащить на плечах другого человека?

– Я не трогал вашего мага, – устало произнес Эшби. – Той ночью я был дома. С женой.

– Которая вряд ли сумеет подтвердить ваше алиби.

– Вряд ли.

– Да и дом достаточно велик, вы же понимаете...

– Понимаю.

Лука покачал ладонью ближайший стул, но сесть не решился. Посмотрел на Милдред, будто ожидая подсказки. А она... она пыталась зацепиться за чужие эмоции.

Бесполезно.

Эшби был. И его не было. Вот он сидит, сложив руки на парте, сторбившись, потому что и стул, и парта слишком малы. А если закрыть глаза, то Эшби исчезает.

Лука остается.

Милдред слышит его тревогу и сомнения. Как и раздражение хрупкой леди, которой они с Лукой категорически не нравятся. А вот Ник... Ник – совсем другое дело.

Он хороший мальчик. Ему просто не повезло с родителями.

С этой леди нужно будет поговорить. После. Когда они останутся вдвоем. В присутствии мужчин женщины куда менее разговорчивы. И зацепить их сложнее.

А она нужна. Она ведь давно в городке этом, успела вырастить многих. И знакома не только с детьми, но и с их родителями. И сотрудничать будет, если убедить ее, что Милдред не враг, что не желает зла ее обожаемому Николасу.

– Но если я до сих пор на свободе, то у вас по-прежнему ничего нет. – Ник заговорил первым. И руки вытянул, накрывая парту.

– Вроде того... и нет. – Лука чувствовал себя неловко.

Ему было тесно в этом классе, среди мебели, которая рядом с ним казалась игрушечной.

– Вашу знакомую на самом деле звали Марта. Марта Брат. Она же Нэнси Шепард. И Клара Мидголл. Оливия Суэнвик... тридцать три года.

– Сколько?

– Тридцать три. Исполнилось на момент исчезновения. – Лука вытащил из кармана копию снимка. – Она?

Ник кивнул.

– Вот... сирота. Выросла в Далласе, в приемной семье, откуда сбежала в возрасте пятнадцати лет. Бродяжничала. Впервые попала на воровстве, но судья пожалел.

Ему не верят.

Ник смотрит на фото. И на Луку. И снова на фото. Девушка на нем мила и прелестна.

– Подрабатывала и проституцией. То есть сопровождением. Числилась в моделях, но после того, как попыталась обворовать клиента, оказалась на улице. Впрочем, быстро нашла себе покровителя. Затем еще одного...

Светлое лицо с мягкими чертами. Светлые локоны. Огромные глаза.

Взгляд удивленно-восторженный, который никак не вяжется с характерным фоном. Снимки делали в участке, и вряд ли фотограф старался, но женщина все одно выглядела невероятно юной.

– В очередной раз попала, когда влезла в чужие бумаги, и едва не лишилась головы. Важные люди не любят, когда их планы нарушают.

– Быть того не может.

– Она и вправду училась на курсах медсестер. И дело знала. Думаю, после неприятной истории девица решила залечь на дно, уехала в другой штат, сменила имя и образ. И познакомилась с вами.

Ник провел ладонями по лицу.

А Милдред обратила внимание, что ощущения вернулись – той самой тяжести, что упала на плечи и вот-вот раздавит ее, бестолковую.

Эшби злится? Определенно.

И понятно. Ему и вправду симпатична была эта девушка.

– Рекомендации, стало быть, подделка?

– Подделка, – согласился Лука. – Подделывать подписи она умела. А проверять вы не стали?

– Нет... найти кого-то, кто согласится жить в нашей глуши, непросто. Особой квалификации не требуется. Просто быть рядом. Ворочать. Протирать. Мыть. Обычная черная работа. За которую Эшби готов был платить.

– Почему вы не взяли кого-то из местных? – Милдред выбрала стол у окна. Оно выходило на школьный двор, пустой и пыльный. – Неужели никому не нужны были деньги?

– Нужны, но... Зои считали проклятой. Боялись, что проклятие перейдет на них. Что я переведу проклятие на ту, кто согласится. Был... неприятный случай. В самом начале. Я пригласил одну женщину, из местных...

– Темные люди, склонные к суевериям, – спокойно заметила мисс Уильямс.

– Взял просто помогать миссис Фильчер. Той было тяжело с Зои. Агна проработала у нас два месяца. И я был вполне доволен. Я даже стал платить больше. Это огромное облегчение – знать, что в доме есть человек, на которого можно положиться.

– Она пропала?

– Упала. Ночью. С лестницы. Несчастный случай. – Ник поморщился. – Но такое совпадение не могло остаться незамеченным...

– С лестницы?

– С лестницы. – Ник сцепил пальцы. До хруста. – Это старинная лестница. Она довольно крутая, а ступеньки узкие. И камень, из которого она сделана, отполирован до блеска. В доме как раз проводили уборку, поэтому ковры сняли.

Совпадения случаются. И порой весьма удивительные, в которые поверить непросто.

– Эту смерть расследовали.

– Шериф? – уточнил Лука.

– Да. И да, Маккорнак предан нашей семье, но это не значит, что он стал бы закрывать глаза на убийство.

Стал бы. И Ник тоже это понимает.

– После этого... несчастья в дом соглашались пойти лишь люди специфического толка, с которыми бы я сам не рискнул иметь дело. Поэтому пришлось искать... альтернативу.

– Никто из ваших сиделок не задерживался надолго.

Ник поморщился, а небо на плечах Милдред стало тяжелее.

– Изначально я не возражал против визитов в город. Я понимал, что нормальным людям тяжело переносить уединение. Что общение необходимо, а в доме особо и не с кем... миссис Фильчер всецело занята Зои. Ма Спок имеет дурное обыкновение ставить себя выше. Мне же просто некогда.

– Им рассказывали всякую чушь. Про драконов и девственниц, которых им скармливают, – вмешалась мисс Уильямс.

Она встала и ровным шагом подошла к доске, смахнула пыльной тряпкой остатки мела, не столько потому, что доска нуждалась в ее внимании, сколько из стремления себя занять.

– Сперва, конечно, это кажется именно тем, чем и является, – глупостью. Но когда эту глупость повторяют снова и снова, раз за разом... когда люди, которые в остальном кажутся вполне адекватными, нашептывают, что дом проклят, и хозяин его, и его супруга, и даже кошки...

– Кошек у меня нет, – уточнил Эшби.

– Поэтому и нет, что прокляты. – Мисс Уильямс стряхнула тряпку. – Когда тебе постоянно повторяют, что, оставшись в этом доме, ты непременно умрешь, то поневоле возникают сомнения. А сомнения перерастают в уверенность. Наш разум устроен так, что мы с легкостью создаем себе чудовищ.

– Больше полугодом никто не выдерживал.

– А к старым историям добавились новые, про пропавших без вести сиделок. – Мисс Уильямс аккуратно сложила тряпку, повесив ее на особый крючок. – Хотя многие после писали Нику, выражая сожаление, что были столь... неосмотрительно суеверны.

– Я платил очень хорошую зарплату.

– И не только. Ник весьма добрый хозяин. И рекомендации давал отменные, несмотря на... обстоятельства...

– То есть других пропавших нет?

– Не знаю, – Ник покачал головой. – Не возьмусь сказать, но... кто-то да, писал. Дважды ко мне обращались из агентства с просьбой подтвердить рекомендацию.

И значит, женщины устраивались на новое место. То есть были вполне себе живы.

– С Келли мы договорились, что она приедет после Рождества.

– Это такая темненькая? – Мисс Уильямс взялась переключать мел в коробке. – Она показалась мне весьма здравомыслящей женщиной.

– Да. И сестру привезти обещала, так что закрою обе смены. Сейчас я запрещаю сиделкам покидать дом. Поймите, я устал оказываться в ситуации, когда меня ставят в известность, что больше не хотят работать. Ни за двойную, ни за тройную цену. И когда я вынужден бросать все, отправляться в Тампеску и искать кого-то, кто может быть рядом с Зои.

Он положил руки ладонями вниз. Длинные ровные пальцы. Сильные. Он ведь хирург, и, по отзывам, весьма неплохой.

– Почему вы просто не подыщите ей место в больнице? Разве так не было бы проще?

Ник закрыл глаза.

Небо навалилось всей тяжестью, того и гляди раздавит.

Милдред пришлось сделать над собой усилие. Дышать. Вдох. И выдох. Расслабиться. Соппротивление бесполезно, но разум гибок. Выдержит.

– Было бы, – глухо ответил Ник. – И я пытался... смотрел... я выбрал несколько клиник. Я мог бы купить каждую. Или построить отдельное крыло, где все было бы ориентировано под нужды Зои. Но когда я в первый раз заговорил об этом, миссис Фильчер сказала, что я просто хочу избавиться от нее. Что... я клялся в любви, а разве это любовь?

Милдред понятия не имела, что такое любовь. Наверное, к счастью.

– То есть возражала она?

– Да.

– А вы...

– Решил, что не хочу спорить. И да, в ее словах была своя правда. К тому же Зои становилось легче... иногда. Я еще надеялся, что... она поправится.

Ложь. Как когтем по стеклу. И от этой лжи перехватывает дыхание. А Эшби поворачивается и смотрит долгим тяжелым взглядом, под которым Милдред ощущает себя ничтожной.

Ей хочется спрятаться. Залезть под парту. Свернуться калачиком и закрыть уши и глаза. Сидеть не шевелясь, дыша через раз в надежде, что это чудовище уйдет.

– Извините. – Губы чудовища растягиваются в улыбке. – Иногда мне тяжело контролировать это.

– Это? – Лука делает всего шаг, и ладони его ложатся на плечи Милдред. Прикосновение возвращает ей уверенность в себе. Пусть страх не уходит, но Милдред хотя бы может справиться с ним.

А колени дрожат. И руки. Она сжимает кулаки, пытаясь скрыть эту дрожь.

– Родовая особенность. Скажем так... мой род обладает весьма своеобразной магией, которая появилась из слияния крови белого мага и айоха. Я не берусь сказать, что здесь правда, а что фантазия, но... некоторые вещи столь очевидны, что игнорировать их сложно. Я не менталист. Не в том плане, что способен прочесть другого. Но вот воздействовать вполне могу, и происходит это вне зависимости от моего желания. Отчасти поэтому и предпочитаю вести уединенный образ жизни. Меньше проблем создает... Так, значит, та девушка... Марта... она действительно исчезла?

– Вероятнее всего.

Низкий голос Луки пробирал до костей. И уносил чужое воздействие.

– Последнее место, где удалось отыскать ее след, – ваш дом. Она попала в него из больницы в Тампеске, куда больше не возвращалась.

Кивок.

– Украшение она бы не забыла, верно? Если ей важны были деньги, то украшение с сапфиром она бы не оставила. Да и сама... я ведь ни о чем не догадывался.

Чудовище расплылось в кривоватой улыбке.

– Меня редко пытаются обмануть. Она мне была симпатична... просто симпатична... и должна была понять это. А если она имела дело с мужчинами, то знала, как перевести симпатию в нечто большее.

И куда более выгодное.

Достаточно ли этого, чтобы убить? Чудовище, оно ведь есть, оно прячется внутри милого паренька. Оно... могло ли узнать то, что ему рассказывают сейчас? И оскорбиться? Убить?

Оставив при этом нить, которая связывает его с жертвой? Ладно остальные, но про Марту Брат не знал никто. К чему вытаскивать на свет божий еще и эту историю? Ведь достаточно было просто спрятать украшение. Уна ведь не забыла отдать его.

Она не хотела отдавать. И промолчала бы, что вообще видела.

– Да. – Ник все-таки солгал, что не умеет слышать других людей, иначе почему он устался на Милдред пожелтевшими глазами? – Мой предок убил бы за такое. Но я – не он.

Глава 9

Лука ему верит.

Почему бы и не поверить хорошему человеку? А чутье вопреки здравому смыслу нашептывает, что парень и вправду неплох.

Может, не свят. Да где святых искать-то? Сам Лука вот далеко не свят. Так что ж теперь?

– А за что убили бы?

Молчание. И тянется, и тянется.

– Спрашивайте. – Эшби разрешает и поднимается. Вязкие медленные движения, и сам он выглядит растерянным, но это лишь иллюзия. – Вы же хотите. У вас есть еще что-то?

– Ваш ребенок... не был вашим, верно?

Чуть склоненная голова. И ощущение, что его, Луку, собираются сожрать. Причем ощущение такое... явное. Даже не по себе становится.

– И вы это знали? Поэтому и выбрали кремацию?

– Идемте. – Эшби поворачивается спиной, и Лука с удивлением обнаруживает, что руки-то дрожат.

Вот же... засранец. Эшби. Николас.

Обыкновенный парень. Врач. Талантливый и перспективный хирург, если верить отзывам. Милый. Дружелюбный. Открытый, мать его чокнутую, всем людям. Готовый помочь, спасти и... Руки-то дрожат. Они не дрожали, даже когда Луке горло пытались перерезать. А ведь в тот раз почти вышло. Вон и шрам остался под подбородком.

И другой, на груди, когда навyleт и почти без шансов, потому что глушь, псих с ружьем, а до рассвета еще целая ночь. Тогда только и оставалось, что надеяться на чудо.

Случилось, да...

Но именно тогда руки не дрожали. Напротив, Лука всецело сосредоточился на том, чтобы добраться до глотки гада. И добрался же.

А тут... Он сжал кулак. И заставил себя дышать ровно.

– Дело не в вас. – Засранец посмотрел снисходительно. – Это врожденное свойство. Большую часть времени мне удается контролировать его, но... иногда прорывается. В минуты сильных душевных волнений.

Почему-то прозвучало издевкой.

Мелькнула подлая мыслишка, что, если Лука свернет этому паразиту шею, многие вздохнут с немалым облегчением.

На улице было пыльно. Порывистый ветер норовил отвесить затрещину. И пробирал до самых костей. Солнце жарило, а поди ж ты... Или не ветер тому виной?

Песок что наждачка. И на зубах хрустит. И сам Лука, кажется, покрылся коркой этого самого темного песка. А вот Эшби ветер не трогал.

Ник сел на ступеньку, вытянул ноги, глаза прикрыл. Облокотился на короб, из которого свисали вялые плети роз.

– Эти цветы привезла Патриция Эшби, в девичестве Арлингтон, в дар своему супругу и земле, которую надеялась назвать своей. Ей пришлось сложно в новом мире, где не желали соблюдать старые порядки.

Розы покачивались. И редкие цветы выглядели так, будто вот-вот осыплются, однако странное дело – ветер, как ни старался, не сорвал ни одного лепестка.

– Она пыталась принести сюда то, что полагала единственно верным. Но поддержки не нашла. – Ник погладил темный цветок. – И смирилась. Женщинам того времени только и оставалось, что смиряться и проявлять покорность. Она и проявляла. До определенного момента.

– К чему это?

– Не зная прошлого, нельзя понять настоящее. Не говоря уже о том, чтобы предсказать будущее. Пожалуй, знай я раньше то, что знаю сейчас, многое сделал бы иначе. Но вам ведь неинтересно? Никому не интересно, кроме Уны... это ее и спасло.

– От чего?

– От того, чтобы стать частью игры. – Эшби обвел рукой двор. – Мой отец мог проявлять милосердие. Изредка. Уна напомнила ему сразу двух женщин, которых он безмерно уважал, хотя никогда-то не был знаком ни с одной из них. Что касается вашего вопроса, то да, я знал, что ребенок не мой... пожалуй, знал с самого начала. Слишком уж легко все далось.

– Все? – Лука, преодолев внутренний протест, опустился рядом.

Ступеньки? Крепкие. Слегка запыленные. Местами грязные. Но не в них дело. Находиться рядом с Эшби было неприятно. И мизинец опять нервно дернулся, пусть Лука и зажал его в кулаке.

– Она легко забеременела. И чувствовала себя отлично. Понимаете... Эшби быть непросто еще и потому, что приходится выбирать. В том числе что важнее – долг или семья. Мой отец так и не решился приблизиться к женщине, которую любил. Он сделал все, чтобы удержать ее рядом. – Ник повернулся и посмотрел на запертую дверь. – Даже подарил ей розы. И те приняли ее. Но... не больше. Мы все эгоисты. И я не знаю, сумел бы так... я рискнул. Я поверил, что любовь преодолет все, в том числе и родовое проклятие. Зои... это не любовь, это было похоже на одержимость. В какой-то мере.

Во двор заглянула бродячая собака. Оскалилась. Зарычала. И отступила, не сводя гноящихся глаз с Эшби, будто в нем видела угрозу.

– Был бы отец жив, он бы сумел объяснить. Он ведь знал, каково это – сгорать от влечения к женщине, которой нельзя коснуться. Всегда что-то да не выдерживает. У кого-то разум, у кого-то тело, и неизвестно, что хуже. Зои... Зои – моя слабость, моя одержимость.

Розы пахли. Тяжелый запах, удушающий, отвратительный даже. Чудилось в нем что-то могильное.

– Я ведь обратился к лучшим и поверил, что им известно больше, чем моему отцу, что времени прошло изрядно... а ведь я навещал матушку, но меня убедили, что дело не во мне. Что случается. Возраст подходящий. История семьи. Во всех старых семьях порой случается сумасшествие, да...

Запах усиливался. И Лука потер нос, пытаясь избавиться от него. Не помогло.

– Сперва я собирался поступить так, как мои предки. Отыскать девицу с подходящей родословной. Крепкую. Согласную подписать договор. И да, в нем были бы указаны некоторые нюансы, наши юристы знают свое дело... Но появилась Зои.

– И договор вы не подписали?

– Подписал, отчего же. – Ник гладил пыльные листья, и тонкие плети шевелились. Лука мог бы поклясться, что еще немного и они поднимутся, потянутся к этому человеку, оплетут его, вцепятся зазубренными иглами шипов.

– И с ней, и с ее родителями. Миссис Фильчер, помнится, была рада...

– А Зои?

– Мне казалось, что она любит меня так же, как я ее. Всем свойственно заблуждаться. Вы курите?

– Нет.

– А я вот иногда... сейчас бы с удовольствием, но с собой не ношу. – Ник похлопал по карманам. – От нашей встречи до помолвки прошло больше года. Я ухаживал... как умел. Да, я могу позволить многое. И драгоценности в том числе, но мне казалось это не совсем правильным. Я наивно хотел, чтобы меня полюбили не за фамильное состояние. Я сделал много ошибок. Первую – когда поддался чувствам. Вторую – когда недооценил влияние миссис Фильчер на свою дочь. Теперь я понимаю, что Зои не хотела связываться со мной. Она боялась. Но ее

матушка нашла правильные слова, и Зои сдалась. Она... она всегда хотела петь. У нее был неплохой голос. Внешность соответствующая. Но для того, чтобы пробиться, одного таланта недостаточно. Во всяком случае, не того, которым обладала Зои. И она решила, что с деньгами Эшби сможет добиться большего. Не сама, полагаю.

Лука никогда-то не любил копаться в чужих жизнях, но впервые, пожалуй, ощущал что-то сродни смущению.

– Мы встречались. Она позволяла держать себя за руку. Целовать в щеку. Она была милой... и быть может, у нас бы все сложилось, но появился Вихо. И я познакомил его с Зои. Третья ошибка. А четвертая – что я оказался слишком труслив, чтобы понять, что происходит. Вернее, не понять, но признаться, что с ним ей будет лучше. Мы все втроем играли в чужой спектакль. Матушка твердила Зои, что будущее у нее есть только со мной. Вихо решил, что он мне все-таки друг, и пытался им быть. Зои металась между чувствами и планами. И все-таки рискнула выйти замуж.

Лука поднял из пыли круглый камень. Покрутил в пальцах и уронил в пыль же. Вытер руку о штаны, что было глупо, потому что штаны уже пропитались невесомым этим песком.

– Матушка успела убедить Зои, что ее красота – товар, а главная задача в жизни – продать себя подороже. А Эшби могут заплатить. В отличие от полукровки. В договоре, который подписала Зои, фигурируют немалые суммы. В том числе и компенсация в случае расторжения брака. Но, как понимаю, Зои осознала, что эти деньги получить не так просто, как ей представлялось. Во многом я сам способствовал тому, что случилось. Зои всю жизнь прожила под рукой матушки. Не стоит обманываться, миссис Фильчер далеко не так мила и приветлива, какой хочет казаться. Она умеет быть жестокой. И никогда не стесняется использовать свою силу. И сейчас она не столько желает добра дочери, сколько хочет получить право распоряжаться финансами Зои.

– А у нее есть финансы?

– Фонд. Я открыл его незадолго до свадьбы. В первую годовщину сумма удвоилась. И удваивалась каждый год, который мы проводили вместе.

– Вместе?

– Вижу, вы поняли. Это стандартная формулировка. Типичный договор семьи Эшби, который подразумевает, что брак длится, пока супруги видят друг друга каждый день. Или почти каждый. Там подробно указано, как долго может длиться разлука. Главное, что, пока Зои находится рядом со мной, она получает за это деньги.

Которыми распорядиться не способна, потому как представляет собой скорее оболочку, нежели живого человека.

– Это придумал мой прапрапрадед. И финансируются подобные фонды из неподвластного мне капитала. – Ник розу не сорвал. И не встал, а потянулся, поглядел на небо и произнес задумчиво: – Будет буря. Не сегодня, но точно... через пару-тройку дней. Не люблю бури. На уши давит.

Лука тоже на небо посмотрел. Обыкновенное. Синее. С парой белых мазков – облака притаились где-то за кругом солнца.

– Если бы Зои ушла до того, как закончился первый год, она бы не получила ничего. Как если бы уклонялась от исполнения супружеских обязанностей.

– А измена?

– Про измену в договоре как раз ни слова. Не спрашивайте. Говорю же, затея моего предка. А мои предки, честно говоря, мыслили иначе, нежели нормальные люди.

Это Лука уже понял.

– Миссис Фильчер порывалась переехать в мой особняк сразу после свадьбы, но я не позволил.

– Почему? Дом большой.

– Не настолько, чтобы скрыться в нем от человека, которому до всего есть дело. Я ясно дал понять, что готов ее видеть гостем, но не более. Зои же стала хозяйкой. Сперва ей нравилось. Но постепенно, лишившись постоянного контроля, она начала задумываться о своей жизни. И как понимаю, пришла к выводу, что жизнь эта далека от ее представлений об идеале. Карьера? Я не был против, но, как понимаете, мог предложить ей лишь выступления в местной забегаловке. Я не способен жить за пределами Драконьего берега, а жена – далеко от меня. Деньги... здесь их особо не на что тратить. Зои спешила изменить дом, но устала и от этого.

И пришла к выводу, что ей осточертело это захолустье. Красивые женщины почему-то особенно устают от провинциальной тишины.

– Да и я... был далек от ее идеала. Не подумайте, я старался. Я привозил ей цветы. Не ограничивал в тратах. Она могла выписать себе наряды хоть из Нью-Йорка, хоть из Вашингтона, хоть из Парижа, но... она желала сама увидеть Нью-Йорк, Вашингтон и Париж.

Только парень сидел на цепи, суть которой, правда, была Луке не совсем понятна, но он верил, что если бы Эшби мог, он бы наизнанку вывернулся, чтобы жене угодить.

– К тому же у меня есть пациенты. Дела. Обязанности определенного толка. Драконы опять же. Вы не поверите, но молодые драконы болеют едва ли не чаще, чем люди... у нас вообще много общего, но драконы честнее.

– Когда вы поняли, что жена вам изменяет?

Взгляд искоса. И стало быть, действительно понял.

– Вихо перестал заглядывать. Говорил, что занят. Он и раньше бывал занят, но это не мешало ему останавливаться в моем доме. Порой мне начинало казаться, что он считает этот дом своим.

– Ревновали?

– Пожалуй что да... но это глупость, конечно. Просто Вихо был таким, каким отец хотел бы видеть меня. Решительным. Смелым. Не отступающим перед трудностями. Напротив, Вихо был рад любому вызову. Мне порой думалось, что он нарочно искал что-то, что другим казалось сложным, невозможным, невероятным. Он как-то обмолвился, что ему тяжело жить, не испытывая сильных эмоций.

Тех, что дает доза. Или охота. Лука знает. Лука сам таким был. И остался. Где-то. Как-то. Частично. Возраст позволил разуму взять верх над дурью, но разве он смог бы жить вне игры? Вне охоты?

А главное, согласуется с тем, что старый приятель сказал. И да, в духе парня было бы приударить за первой красавицей города, которая к тому же стала первой леди в этом захолустье. А ей? Освободившейся от удушающей матушкиной заботы и осознавшей вдруг, что тошно и от дома, и от поместья, и от собственной жизни, разве не глянулся бы парень, который буквально горел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.